

МЕЛОДИЯ СТРАДАНИЙ

Энн Нельсон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Она — его мелодия
Он — ее спасение*

18+

Энн Нельсон
Мелодия страданий

«Автор»

2026

Нельсон Э.

Мелодия страданий / Э. Нельсон — «Автор», 2026

Микеле
Спустя тринадцать лет после своего отсутствия я возвращался домой с одной единственной мыслью - выполнить свой долг наследника и жениться на выбранной девушке. Но по приказу отца теперь я должен стать ее телохранителем и все для того, чтобы выведать тайны ее семьи. Только и моя жена не так проста, как кажется. Она имеет слишком много тайн для той, кто проводит целые дни за игрой на фортепиано. И теперь моя цель - сделать так, чтобы ее мелодия страданий навсегда прекратила свое звучание.
Элисия
С самого рождения я знала, что должна буду выполнить свою функцию - выйти замуж, родить наследника и жить в тени будущего супруга. Я была готова пойти на это ради защиты моего брата. Но с приходом нового телохранителя сердце больше не подчиняется разуму. Оно требует только его - мужчину, который молча слушает мою мелодию страданий и дает найти в себе опору. Смогу ли я в итоге изменить свою музыку, чтобы быть вместе с тем, кто подарил мне смелость летать?

© Нельсон Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
От автора	5
Персонажи	6
Некоторые правила «Коза Ностра»	7
Плейлист	8
Пролог. Микеле	9
Глава 1. Элисия	12
Глава 2. Микеле	20
Глава 3. Элисия	28
Глава 4. Микеле	34
Глава 5. Элисия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мелодия страданий

Посвящение

Посвящается каждой девушке, что устала от тяжести крыльев за своей спиной - позвольте себе сложить их и просто побыть собой, без осуждения. А когда в сердце снова проснется ветер - взмахните ими. Вы рождены летать.

Каждому мужчине, чья сила - в умении быть надежной опорой. Ваша молчаливая поддержка рождает в нас смелость летать.

От автора

Насколько разной бывает любовь?

Она может быть ураганом, врывающимся в твою жизнь, чтобы смешать карты, разрушить привычный уклад и оставить после себя хаос и восторг.

Для кого-то она - спасательный круг, брошенный в ледяную воду отчаяния, когда мир кажется состоящим лишь из горечи и боли.

Иногда это искупление, способное смыть самые тяжкие грехи.

Но есть еще одна форма любви - это честное отражение в зеркале другого человека. Она про двоих, которые выбрали быть искренними и решили доиграть до конца общую мелодию своей жизни, даже если пальцы уже не так ловко бегают по клавишам.

Персонажи

Ломбардия (Коза Ностра)

Модесто Аккарди – младший Дон, сорок девять лет
Джулио Клаудио Аккарди – старший сын Аккарди, двадцать шесть лет
Элисия Ангелика Аккарди – дочь семьи Аккарди, двадцать лет
Габриэле Алессандро Аккарди – младший сын Аккарди, десять лет
Феделе Мариано – консьильери семьи, пятьдесят лет
Николина Лассель – няня Габриэле, двадцать пять лет
Теобальдо Вольпе – телохранитель Элисии, двадцать семь лет
Рицио Вольпе – капо, тридцать два года
Елена Вольпе – жена бывшего капо, двадцать пять лет
Терезе Вероника Вольпе – мать Рицио и Теобальдо, пятьдесят шесть лет

Сицилия (Коза Ностра)

Освальдо Агостино Сальваторе – Дон, Capo di Tutti capi¹, шестьдесят лет
Джозефина Арабелла Сальваторе – жена Освальдо, пятьдесят три года
Микеле Аллесио Сальваторе – наследник клана Сальваторе, тридцать лет
Нино Эдуардо Сальваторе – второй сын Сальваторе, двадцать семь лет
Марселло Аурелио Бернарди – консьильери, тридцать лет

Нью-Йорк (Коза Ностра)

Кристиано Скорсезе – младший Дон, тридцать шесть лет

Каморра (неаполитанская мафия)

Франциско Доменико Мочетти – Дон, пятьдесят два года
София Камилла Мочетти – единственная дочь, двадцать два года

Лацио (Коза Ностра)

Доменико Павоне – младший Дон, пятьдесят два года
Агнеса Павоне – жена Доменико, сорок пять лет
Лучия Павоне – единственная дочь Доменико и Агнесы, двадцать лет

Пьемонт (Коза Ностра)

Сильва Эспозито – младший Дон, тридцать шесть лет

Кканпхэ (сеульская мафия)

Ли Юмин – глава сеульской криминальной группировки, тридцать лет

Братва (русская мафия)

Николай Думанский – казначей братвы, сорок лет
Виктор Соболев – Пахан, семьдесят лет.

¹ Изуродованная

Некоторые правила «Коза Ностра»

1. Никто не имеет права первым представляться одному из семьи. Он должен быть представлен другим членом семьи.
2. Никогда не смотрите на жен друзей или других членов своей семьи.
3. Не ходите в чужие клубы и бары. Только если их владелец сам назначил встречу.
4. Ваш долг - всегда находиться в распоряжении «Коза Ностра» и Комиссии, даже если под угрозой будет стоять ваша семья.
5. С женами надо обращаться уважительно. Они те, кто хранят ваш дом.
6. Нельзя присваивать деньги, которые принадлежат другим членам «Коза Ностра», Комиссии или их родственникам.
7. В Комиссию не могут входить следующие лица: тот, чей близкий родственник служит в полиции, тот, чей родственник или родственница изменяет супруге (супругу), тот, кто ведет себя дурно и не соблюдает нравственных принципов.
8. Каждый наследник растет внутри клана и выходит «в свет» только после своего совершеннолетия. Исключением являются встречи, проводимые в родном доме.

Плейлист

Сильно – MONATIK
Everything – Alex Warren
Спи на моих руках – Dohaka6
Vivid – Daisy Gray
Шесть букв – Ульяна Мамушкина
Never Been Closer – Svrčina, Ester Na
Тихий причал – Лунова
Sara perche ti amo - Ricchi E Poveri
TRAIN WRECK (Cover) – Senven
Mad World – 2WEI, Tommee Profitt, Fleurie
Beautiful Things – Cover Up
The Breaks – Sarah Proctor
Wake Me Up – Tommee Profitt, Fleurie
Hope for a Miracle – Rostislav Khalikov
Silence – Yannick Lowack
Our World – Tom Day

Пролог. Микеле

*"У каждой души - своя неповторимая мелодия. У каждого сердца
– свой неповторимый ритм."
- Петр Квятковский.*

Я стоял в густой тени у дальней стены, и только монотонный стук металла о ладонь нарушал гнетущее напряжение. Взгляд оставался пустым, остекленевшим, прикованным к ножу, словно я смотрел в бездну. Даже крики, заполнившие комнату до отказа и рикошетом бившие по нервам, не вызывали ничего - лишь звенящую тишину внутри.

В мыслях воспоминание тринадцатилетней давности, когда я прошел свою первую тренировку в этом месте. Стальная труба, шириной чуть больше моих плеч и ледяная вода, едва ли не закрывающая дыхательные пути. Без света, без права лишнего раз вздохнуть. Протяженность в триста метров и ты, застрявший где-то ровно посередине.

Воздуха казалось катастрофически мало, как и сил двигаться дальше, но ты все равно должен, чтобы не погибнуть. Внутри часть тебя шептала: «Сегодня я умру». Только по наушнику сообщение инструктора «Солдат, ты должен бороться с собой».

И ты начинаешь бороться, отменяя панику и право на ошибку. Потому что не можешь позволить себе погибнуть. Не можешь подвести свой клан.

Сначала идет он - потом ты со своими страхами.

В то время я учился только основным трем дисциплинам.

Первой была смерть – важно было знать, как скоро она может наступить и как сделать так, чтобы оттянуть ее приход, если ты еще не успел вытянуть информацию.

Второй был инструмент – в совершенстве должно быть владение всем, что может послужить орудием для пыток.

И третья – память. Ты должен помнить в лицо всех, у кого забрал жизнь. Только так ты мог сохранить в себе человечность.

Слух фиксирует очередной истошный крик, вырывая из размышлений.

Этот спектакль пора заканчивать.

Глубокий выдох. Последний раз перекинув нож, я оттолкнулся от стены и направился к стулу. Заняв место, наклоняюсь вперед, упираясь локтями в колени, и встречаюсь взглядом с тем, кто сидит напротив. Его глаза залиты кровью, и в них читалась лишь одна молитва - о скорой смерти как об избавлении.

- Давай упростим задачу, - мой голос звучит ровно, без единой эмоции. - Скажи, где вы планируете следующий удар, и я избавлю тебя от этого ада.

Парень лишь сильнее сжимает челюсти. Он совсем юн, лет двадцать, не больше. Глупый мальчишка, который верит в идеологическую чушь. Но он уже не ребенок. Он сделал свой выбор - выбор в пользу тишины, даже если она будет куплена ценой невыносимой боли.

За это я почти готов проявить к нему уважение.

Но сейчас важно не это.

Краем глаза замечаю, как один из солдат, охранявших пленника, напрягся, готовый вмешаться, но мой предупреждающий взгляд пригвоздил его к месту. В его позе читалась привычная субординация - готовность подчиниться старшему по званию.

Возвращаю внимание к мальчишке.

- Так что насчет следующего места? Крюэзи? Дершен? Фаг?

Он не реагирует на те города и поселения, что я называю. Его лицо превратилось в безжизненную маску.

Пусто. Значит, я ошибся направлением.

Может, не восток, а запад?

Нужно перебирать дальше.

- Кенета? Меник? Пруш?

Вижу, как на долю секунды морщины у его глаз стали глубже, а кадык нервно дернулся.

- Значит, Пруш, - выдохнул я, с хрустом разминая позвонки шеи, в то время как тело напротив каменеет. - Парк? Торговый центр? Школа?

В ответ - почти незаметная судорога лицевых мышц, задержка дыхания и едва видимая дрожь пальцев. Лицо парнишки кричит без лишнего звука, без какого-либо обмана.

Мои губы тронула холодная улыбка.

- Видишь, как все оказалось легко? Стоило только заговорить.

Конечно, заговорить – громко сказано. Мальчишка за все эти дни, что находился в камере, не проронил ни слова. Но я давно научился вытаскивать нужную информацию лишь наводящими вопросами, не забывая при этом следить за мышцами тела человека напротив.

Тело никогда не врет – оно говорит только правду, как бы мозг этому не сопротивлялся. Существует множество микровыражений. Они едва уловимы, порой так быстры, что ты не можешь распознать их след. И все же, если научиться их различать – это может спасти не только твою жизнь.

Смотрю на солдат, стоявших в тени.

– Отправьте бойцов в школу Пруша и смотрите, чтобы ни один ребенок не пострадал при захвате террористов.

Они молча кивнули и исчезли за дверью. Я перевел взгляд на мальчишку. От его лица отхлынула вся кровь, оно стало белым, как чистый лист. Но на этом листе уже была написана одна-единственная строка - «предательство».

Впрочем, меня это больше не волновало. Его будущее и его душевные терзания остались далеко за пределами моего интереса. Нужно было понимать, чью сторону выбираешь и к каким потерям это в итоге приведет.

Встав, я разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Тяжелая дверь отсекает меня от затхлого воздуха и еще стоящих как гул в ушах криков.

Последняя миссия перед возвращением домой наконец выполнена.

Тринадцать лет скитаний: пыль Боснии, огонь Ливана, джунгли Родригеза. Подготовка наследника Дона - не только бумажная работа, чтобы вести дела клана. Это школа выживания, и самый лучший ее учитель - частная швейцарская организация, которая готовит из своих солдат самых лучших бойцов и наемников. Не каждый наследник отважится отправиться в это место, потому что цена малейшей ошибки – жизнь.

Я не мог отступить. Власть Дона Сальваторе должна быть нерушимой. Отец когда-то также оставил семью на десять лет, чтобы вернуться другим человеком - с силой, вшитой в его ДНК.

Меня всю жизнь учили не чувствовать, а управлять. Расписанная жизнь с самого рождения: союз, выгодный брак, контроль репутации. Сейчас пришло время возвращаться – следовать расписанию. В моем случае это подписанный кровью договор, которому уже двадцать лет. Договор, включающий собой двоих.

Я никогда ее не видел и, честно говоря, не спешу. Но я откладывал этот момент целый год, давая иллюзию свободы, прежде чем незнакомая мне девушка станет женой человека, в котором чувства давно превратились в пепел.

- Микеле.

Я поворачиваюсь на голос. Марселло Аурелио Бернарди. Мы выросли вместе - он сын *consiglieri* нашей семьи, и мой ближайший соратник, которому суждено однажды сменить своего отца. Как и мне, ему тридцать лет – подходящий возраст для вступления в должность. Он

поехал за мной в Швейцарию, хотя это не входило в его обязанности. Верность для него - не просто слово. Ни для кого из нас.

- Уже скучаешь по дому? - он лениво усмехается.

Время, проведенное рядом со мной, не смогло сломать его порой язвительную натуру. Как и шрам, оставшийся после последней операции, не исказил его правильные черты. Тонкий белый росчерк, начинавшийся над левой бровью и уходивший к скуле, казался странным украшением на его смуглом лице. Ему тогда повезло сохранить глаз.

Я был ему признателен за то, что он все эти тринадцать лет находился рядом. Он был единственным якорем, который напоминал мне о семье и о том, что где-то внутри еще тлеет искра того человека, которым я когда-то был.

- Принятие поста главы семьи всегда было лишь вопросом времени, - я прохожу мимо него в широкий коридор, и он привычно шагает в ногу со мной. - Но откладывать союз с Модесто больше нельзя. Старик, должно быть, рвет и мечет, что мы до сих пор не породнились.

- Кстати, об этом, - в его тоне проскальзывает веселье, заставляющее меня внутренне подобраться. - Ты пока не займешь место Дона.

Я застываю на месте и резко поворачиваюсь к нему. Брови сами ползут вверх в немом вопросе.

Марселло замечает это, пожимает плечами и пытается сделать скучающее лицо, но уголки его губ предательски дрожат в улыбке.

- Освальдо хочет поручить тебе одно дело перед тем, как уйдет на покой, - его голос срывается, а плечи подрагивают. - Он связался со мной, пока ты был на задании. Это приказ.

Устало выдохнув, тру переносицу, после чего снова возвращаю взгляд к другу, который уже не скрывает своей идиотской усмешки. Он всегда был собранным и сосредоточенным на делах, но всякий раз, когда появлялась возможность указать на мою уязвимость – Марселло не тушевался и по-дружески заставлял меня проявлять чуть больше эмоций, чем обычно. Так он не давал нам потерять свою человечность – как цену власти, которая должна отринуть из сознания любую угрозу. Обычно я испытывал благодарность, но сейчас...

Интуиция подсказывает две вещи. Первое – это уже принятое решение и мне никуда от этого не деться. Второе – мне это не понравится.

- И что я должен сделать?

Улыбка друга становится лишь шире, прежде чем он озвучивает предложение... нет, приказ все еще действующего дона Сальваторе.

Дерьмо.

Глава 1. Элисия

Самый смелый поступок порой – оставаться в живых каждый день, когда не видишь ничего, кроме всепоглощающей боли. Я останусь. Ради того, кого обещала защищать.

Я выхожу на крыльцо, чувствуя себя главным экспонатом на выставке. Идеальная укладка, белое платье - символ невинности, за которую скоро назначат цену. Безупречность во всем.

Даже Джуллио послушно стоит по стойке смирно, изображая достойного преемника Каморры. Правда, актер из него никудышный.

- Что, sfigurato², уже готова к встрече со своим будущим тестем?

Его голос эхом раздался по всей территории сада перед помещьем. Специально, чтобы все находящиеся вместе с нами слышали - какое именно положение я имею в этом доме.

Я не поворачиваю головы. Даже не достаиваю его взглядом – не из своего положения или превосходства – это моя цена за право не сломаться. Не показать слабости и не сорваться к черно-белым клавишам, давно ставшими моим спасением.

- А ты готов к вечеру, когда Сальваторе усомнится в наследнике Модесто? - мой голос звучит так же насмешливо, в точности повторяя его тон.

- О-о, так ты ждешь моего позора. Что ж, сестренка, если кто из нас и опозорится, то только ты. Откроешь свой рот, когда нужно будет молчать и поставишь на себе клеймо самой нежеланной невесты, забывшей о слове «подчинение», - он делает шаг ближе ко мне и краем глаза замечаю, как его руки привычно сжимаются в кулаки, когда он не может меня ударить. – Интересно, какой твой будущий супруг? Насколько часто он будет поднимать на тебя руку за твое неповиновение? Он же не мы, не твоя семья.

Семья.

Эти слова больно ударяют по сознанию, особенно когда ты понимаешь - твой *любимый* братец не вкладывает в них того же значения, что и ты. Для него это просто звук, а для меня - приговор.

Повернувшись, смотрю на него со скучающим видом. Но, наткнувшись на его пренебрежительный взгляд, слегка сощуриваюсь и широко улыбаюсь. И от этой перемены в моем лице с него наконец-то начинает сходить вся спесь.

Как жаль, что здесь нет Феде и Тео. Они бы насладились этим зрелищем.

Феде бы наверняка выдохнул и предостерег меня быть осторожнее, ведь мое положение сейчас уязвимо. Он всегда пытался меня сдерживать, как настоящий голос разума, которого порой мне не хватало. Тео же наоборот, как настоящий дьявол искуситель шептал на ухо лишь одно: «Покажи им, на что на самом деле способна».

Два моих ангела хранителя, пламя и вода, которые всегда стоят позади меня и напоминают о том, что я не одна.

Что мы не одни.

Но их нет. Сегодняшний вечер не предусматривает «лишней» охраны. Как будто можно так просто вычеркнуть из моей жизни людей, что находятся рядом с самого моего рождения.

Я выдыхаю и смотрю в глаза самой большой проблеме в моей жизни.

- Джуллио, а что с тобой сделает мой будущий муж, если услышит, как перешептываются слуги нашего дома. Сам же знаешь – даже самый обычный повар должен уметь держать язык

² Изуродованная

за зубами, иначе он выставит в плохом свете дону, которому служит. А ты же так метишь на место наследника. Вот бы Сальваторе не подумали, что это место должен занять кто-то другой.

Последняя фраза сказана тихо, только для него самого.

И, конечно же, он ее услышал.

Я вижу, как брат багровеет, как он подается ко мне для удара. Но он не посмеет, пока он здесь. Никогда бы не посмел. Потому что Омерта нерушима. А он тоже ее давал, пусть и не так давно.

Раз... Два...

Все заканчивается, не успев начаться. Его рука замирает в воздухе, встретившись с тяжелым взглядом отца, а после он отступает в тень. В это мгновение я ощущаю на себе внимание Модесто. Он хочет испепелить меня, уничтожить, напомнить о моем месте в семье.

Я же, как и всегда, не поддаваясь на провокации, улыбаюсь в ответ - широко, до боли в скулах. Послушание и покорность не гарантируют безопасности. Я сижу в своей комнате, но это не значит, что я не борюсь ради свободы.

Ради правды.

Гнетущая тишина лопаается, как мыльный пузырь, под напором звука гравия под колесами. Модесто обрывает зрительный контакт и смотрит на ворота, словно меня больше не существует.

- Надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом. Ты должна хорошо себя продать. От этого зависит наше положение. И *его* жизнь.

- Как будто я могу об этом забыть при таком усердном напоминании.

В ответ - лишь зубовой скрежет. Все его внимание приковано к черным иномаркам, одна за другой заезжавших на территорию дома. Как только они замирают, и охранники в строгих костюмах открывают двери, Модесто подается вперед всем телом, встречая гостей со всем тем радушием, что способен показать.

Даже он не смеет проявлять неуважение к Освальдо Агостино Сальваторе.

Его имя - приговор и закон. Я наблюдала за ним со стороны на бесчисленных приемах, которые обязана была посещать по праву рождения, но никогда не думала, что окажусь так близко к эпицентру его силы. Он не человек - он стихия. Страх во плоти. Тот, перед кем склоняют головы все доны без исключения. Сдержанный до звона в ушах, холодный как могильный камень, принципиальный до жестокости.

И сейчас он на территории нашего дома, чтобы обсудить брачный договор, заключенный еще до момента моего рождения. Высокий, широкоплечий и с множеством шрамов на ладонях, он вселяет ужас в любого, кто окажется в зоне его изучающего взгляда.

- Модесто, рад тебя видеть, - от силы в его голоса тело покрывается легкими мурашками.

- Как и я, Освальдо, - Модесто пожимает руку гостю, затем поворачивается к его спутнице. - Джозефина.

- Благодарим за приглашение, - женщина мягко улыбается, крепче сжимая руку мужа.

Джозефина Арабелла Сальваторе выглядела слишком хрупкой на фоне своего мужа. Строгое элегантное платье, собранные в низкий пучок волосы и самое спокойное лицо, которое я только видела в своей жизни. Она казалась... светлой.

Ее статус в этом мире был производной от статуса мужа. Они были живым воплощением противоположностей: холода и тепла. Однако она не была приложением к нему, она была его частью. В мире, где женщины бесправны, она стояла с ним наравне. Не только сейчас, когда встречаются две семьи, готовые породниться - она всегда с ним на одной линии.

И это не может не восхищать.

- Добрый день, дон Освальдо, - Джуллио вышел вперед, занимая почетное место подле отца.

- Джуллио... Ты копия своего отца.

Модесто расплылся в такой широкой улыбке, что меня передернуло. Он точно принял это за комплимент. Но по холодному взгляду Освальдо было ясно - это не похвала. Он смотрел на моих родственников как хищник на добычу, которая вот-вот угодит в капкан. Странно, что этого никто не замечает. Но, может, и не должны?

- Мой сын станет достойной заменой мне в будущем...

- А это у нас Элисия, - взгляд серых глаз метнулся ко мне, обрывая Модесто на полуслове.

Из меня вырывается судорожный выдох. Я думала, что смогу остаться незамеченной еще немного. Привычка быть тенью стала второй натурой. Хотя, этот человек всегда видел насквозь. От него ничего не скрыть. Я слишком долго за ним наблюдала, чтобы это понять.

- Да, это моя дочь, - Модесто властным жестом подозвал меня к себе.

Я сделала несколько шагов, скрывая судорогу лицевых мышц, и остановилась прямо перед Сальваторе. Женщины здесь не заговаривают первыми и не смеют поднимать глаза на сильных мира сего. Они покоряются. Но я не знаю, что такое покорность. Не в этом случае. Поэтому я смотрю прямо в глаза самому страшному человеку Италии, нарушая все неписанные законы.

- Рада познакомиться, Освальдо, - я киваю ему, а затем его жене. - Джозефина.

Она улыбается мне так тепло и открыто, что я невольно отвечаю тем же, принимая ее протянутые руки.

- Ты такая красавица, - в ее голосе нет ни капли фальши, только материнская забота.

- Ты очень похожа на Антонио, - Освальдо внимательно изучает меня, и в его голосе звучит тень незнакомого мне узнавания. – Тот же взгляд и выдержка. И манера представляться.

- Да, Элисия похожа на своего дядю, - тут же спешит подтвердить Модесто, лишая меня возможности самой что-нибудь сказать.

По коже пробегает электрический разряд. Это не просто слова, это клеймо. Метка, определяющая мою судьбу: прошлое, настоящее и будущее. Напоминание, что ничто не вечно и в этом мире может быть скрыто все что угодно.

- Он был великим человеком, - я улыбаюсь, глядя в глаза Освальдо, едва заметно качнув головой в качестве подтверждения своих слов.

- С этим трудно поспорить, - его губы трогает легкая улыбка, но я успеваю ее заметить.

В следующий миг Модесто оказывается рядом. Его рука ложится мне на плечи - не объятие, а стальные тиски, почти до хруста костей. Для всех это жест отцовской заботы, для меня - безмолвный приказ: «Молчи».

Освальдо замечает это. Его взгляд на секунду задерживается на нас, но тут же возвращается к главе семьи Аккарди, принимая самый непринужденный вид.

- Что ж, пройдемте в дом, - Модесто жестом приглашает всех пройти внутрь.

Освальдо снова переводит взгляд на меня – всего на мгновение, но по коже пробежали мурашки, как будто меня только что поместили в рентгеновский аппарат против воли и заглянули в те уголки души, которые я слишком долго пыталась спрятать. Затем он возвращает все свое внимание Модесто и мужчины удаляются.

Джозефина тут же подходит ближе, подхватывая меня под руку.

- Милая, у тебя пятно на платье, - ее взгляд указывает на подол моего белого сарафана, где алеет крошечная капля.

- Это, наверное, краска, - поднимаю глаза и натягиваю самую невинную улыбку на лицо, как лучшую одежду. - Я рисовала перед вашим приездом.

- Надеюсь, когда-нибудь ты покажешь нам свои работы.

Я киваю. Медленно, чтобы не выдать внутреннее напряжение, но так быстро, чтобы не показать своего замешательства.

- Конечно.

Внутри все сжимается от лжи. Я никогда не рисовала. Вся моя жизнь - черно-белые клавиши фортепиано.

Но говорить о том, что это засохшая кровь одного из телохранителей Модесто нельзя. Никто не должен узнать о том, что я имею хоть какое-то отношение к тем беспорядкам, что творятся в клане.

Столовая напоминает декорации к фильму о высшем свете: с особой тщательностью накрытый стол, как в мишленовском ресторане, зажженные свечи и идеальная сервировка. Но все это фасад.

Главное здесь - строгий порядок, не дающий надежды на возможность занять чужое место, и не важно – статус это или принадлежность к полу. Каждое кресло - клетка, а место за столом определяет твою ценность. Повернешься не туда или потянешься не за тем блюдом - и тяжелая ладонь на плече напомнит о цене свободы.

Освальдо занимает место во главе. Джозефина - по правую руку, Модесто с сыном - по левую. Мое же место сегодня рядом с моей будущей семьей. Живая иллюстрация того, что будущее уже расписано без моего участия.

- А как же твой младший сын? - Освальдо отодвигает стул для жены, задавая вопрос Модесто. – Я уже давно его не видел.

- Габриэле плохо себя чувствует. Ты же знаешь о его болезни. Сейчас он...

- Как раз спустился, - перебиваю я, тут же делая шаг в сторону спустившегося к нам брата.

- Спустился, чтобы поприветствовать тебя, Освальдо, - после минутной паузы, тихо проговаривает Модесто и мне не нужно смотреть на него, чтобы увидеть его сжатые челюсти.

Его присутствие для меня сейчас - пустой звук. Я вижу только младшего брата.

Габриэле всего десять, но он кажется мельче и слабее других детей. В то время как его сверстники давно изучают ведение дел и боевые дисциплины, Габри лишен этого права из-за врожденной катаракты. В видении клана это - фатальный изъян, непростительная слабость будущего дона.

Его не учат - его игнорируют. Он просто есть. Как и я, он считается бракованным товаром, недостойным сидеть за одним столом с сильными мира сего. Только мой брак заключается не в болезнях, а в ее крови. И то только для обитателей этого дома.

Но он мой брат. Мой самый любимый младший братец. И я верю, что он имеет больше прав на титул младшего дона, чем кто-либо в этой комнате.

Я подхожу к нему, но не беру за руку – лишь мягко улыбаюсь. Это мой безмолвный знак поддержки: я рядом, что бы ни случилось. Всегда. Брат коротко кивает в ответ. Я не вижу его глаз за темными стеклами, но ощущаю его внутреннюю силу и собранность.

Габри медленно идет к Освальдо, все так же стоящему возле своей жены. Тот смотрит на него с непроницаемым лицом, точно оценивая - достоин ли мальчик носить фамилию Аккарди и какую пользу может принести в будущем.

Стоит отдать должное Габри – он не тушует. Не сбавляет шаг, даже когда отец прожигает его спину взглядом, полным неприкрытого презрения.

Я иду на шаг позади него, и только когда Габри останавливается перед Освальдо, встаю рядом с ним, плечом к плечу. Брат медленно снимает очки и смотрит прямо на мужчину перед собой.

- Добрый день, дон Освальдо. Синьора Джозефина, - голос брата звучит учтиво, когда он приветствует гостей.

- Габриэле, - Сальваторе улыбается одними уголками губ, его взгляд становится пронзительным и оценивающим. - Я помню тебя только родившимся мальчишкой. А сейчас передо мной мужчина, который не стыдится своей уязвимости. Это редкое качество.

- У каждого есть ахиллесова пята. И задача мужчины - сделать так, чтобы до нее никто не добрался, - произносит брат с непоколебимой уверенностью.

Глядя на него, я не могу сдержать гордую улыбку.

Освальдо одобрительно кивает, протягивая свою массивную руку перед собой для рукопожатия.

- Модесто хорошо научил тебя.

- При всем уважении, синьор, этому меня научила сестра, - с достоинством и гордостью отвечает Габри.

- Вот как? – изучающий взгляд Освальдо снова устремляется на меня. - Весьма правильные мысли для той, что станет партнером будущего дона.

Слово «партнером» эхом отдается в сознании. Не тенью. Не инкубатором. А той, кто обладает реальной властью наравне с мужем.

На мгновение хочется поверить в искренность этих слов, но я тут же одергиваю себя. Это лишь изящная словесная конструкция, необходимая для поддержания власти. Если мне и нужно будет с кем-то договариваться о реальном партнерстве, то точно не с ним, а с его сыном и моим будущим мужем.

- Благодарю, - отвечаю коротко и лаконично, даря ему мягкую улыбку.

Освальдо еще раз окидывает Габри оценивающим взглядом, затем отступает и занимает свое место во главе стола. Я сажусь рядом с Джозефиной, брат занимает место справа от меня. Темные очки снова скрывают его глаза - не только от света, но и от презрения отца, который видит в слабости сына отражение собственного провала.

Первые перемены блюд проходят в тишине, нарушаемой лишь монологом Модесто о том, как много Джулио делает для становления будущим доном. От этой патоки тошно, кажется, не только мне, но и нашим гостям. Только вот лица всех присутствующих остаются непроницаемыми масками.

Каждый в этой комнате учился с детства контролировать не только свои эмоции, но и дыхание. Этот навык прививают не только мужчинам, но и женщинам. Особенно женщинам. Потому что мы, как принято считать - самое слабое звено. Любая эмоция может стоить жизни. Нас держат в стороне от дел, в полном неведении происходящего, но все же сковывают клятвой молчания.

Жестокая, непреложная правда, которую не так-то просто перейти.

- Когда вернется Микеле? - вопрос Модесто на мгновение заставляет меня застыть со столовыми приборами в руках, напрочь позабыв о правилах приличия и о мыслях, занимающих мою голову последний час. – Насколько я помню, в договоре было точно прописано, что сама свадьба должна произойти после восемнадцатилетия... Элисии. Я уже не говорю про помолвку, которая должна была случиться еще год назад.

Выдержанная пауза перед моим именем. В этом молчании я слышу все: и то, что я для него лишь «эта», и то, что моя ценность для него равна нулю. Хотя он прекрасно знает, что именно произойдет, если я когда-нибудь осмелюсь выйти на свет.

- Микеле задержится в Швейцарии еще на три месяца. Свадьба будет сразу после его возвращения, - Освальдо говорит так, будто это уже решенный факт. - А пока пусть Элисия чаще приходит к нам. Джозефина поможет ей со всем разобраться. Уверен, ей захочется взять организацию в свои руки.

Теплая рука легла на мою, и этот простой жест на секунду вывел меня из равновесия. Отрывая голову от тарелки, встречаюсь взглядом с женщиной, чьи глаза лучились заботой, так похожей на мамину. В нем читалось то самое безграничное тепло, которого мне так не хватало.

То, от которого я давно отвыкла.

Я отвечаю ей мягкой улыбкой и невольно бросаю взгляд на Освальдо. Он сидит в стороне, молча наблюдая за нами. На лице непроницаемая маска, но в глазах тот самый интерес, который пока мне не понятен.

Что он чувствует, видя, как его жена принимает в семью будущую невестку?

Беззвучно усмехаюсь. Эти мысли ни к чему не приведут.

- Благодарю вас за эту возможность, - говорю с искренней благодарностью. - Иногда действительно необходима женская помощь. И я буду очень рада, если это будет Джозефина.

Освальдо, получив желаемый ответ, одобрительно кивнул и вновь погрузился в десерт. Мой взгляд скользнул к Модесто. В его глазах застыло ледяное предостережение - второе за сегодняшний день. Я знала: еще одно неверно подобранное слово, еще один намек, понятный лишь узкому кругу, - и мне жестоко напомнят о той роли, что была выбрана для меня главой этого семейства.

В ответ я лишь едва заметно улыбнулась и коснулась губами бокала с вином. Маленький глоток, сделанный медленно и грациозно, был лишь данью этикету. Я не могла позволить себе ни показаться грубой, ни, тем более, продемонстрировать искреннюю любовь к напитку.

Никогда нельзя забывать о том, какое положение женщины занимают в нашем мире.

- Уверен, моя любимая сестренка будет рада, - хриплый голос Джуллио разорвал повисшую тишину. - Ее будущий муж тринадцать лет оттачивал мастерство убийства в самом жесточком месте для наших людей. За таким, как он, будешь как за каменной стеной.

Он был пьян. Любой, кто взглянул бы на него, понял это с первого взгляда. Джуллио никогда не знал меры - ни в выпивке, ни в отношении к девушкам, ни в понимании границ дозволенного наследнику и плевал на запреты отца. Тот сидел неподвижно, лишь желваки играли на скулах от едва сдерживаемого гнева.

Но Джуллио смотрел только на меня. В его глазах горела знакомая ненависть. Он не пытался быть остроумным - он хотел напугать меня. Его слова были предупреждением: человек, чье ремесло - смерть и пытки, не способен дать любовь. Он может предложить лишь унижительную надежду выжить там, где другие погибли.

Я мало знаю о том, что творится за высокими стенами в Швейцарии. Скорее, только одно - это место настоящая мясорубка, откуда не каждый возвращается живым. Большинство наследников мафиозных кланов предпочитают не рисковать жизнью попусту, ведь вести дела можно научиться и здесь. Но те, кто возвращается оттуда... Они становятся легендами: непревзойденные аналитики, хладнокровные убийцы и мастера самоконтроля.

Так говорят слухи. А правду знают лишь те, кто видел это своими глазами.

Но я знаю еще кое-что.

- Ты прав, братец.

Я ставлю стакан с мягким стуком и смотрю ему прямо в глаза. Он вздрагивает и пытается отвести взгляд. Я же улыбаюсь краешком губ.

- За таким мужчиной будешь как за каменной стеной. Их боятся, уважают... превозносят. Ведь чтобы выдержать тринадцать лет в аду, нужна воля крепче стали - то качество, которого так часто не хватает здешним наследникам.

В глазах Джуллио полыхнула ярость, но он остался на месте, лишь до хруста в костях сжав кулаки. Для того, кому предстояло возглавить семью, это было слабой выдержкой, однако для него - уже прогресс.

Из всех сказанных им слов только слова о моем будущем муже звучат как белый шум, который мозг уже не воспринимает. Это не выбор - это константа, по которой выложен мой путь. И не важно, чего я хочу - я стану женой человека, которого ни разу в жизни не видела.

- Рад, что в скором времени ты будешь носить фамилию Сальваторе.

Только сейчас вспоминаю, что мы не одни за этим столом – обернувшись, смотрю на Освальдо, в глазах которого уважение, интерес и в этот раз что-то новое. Как будто этот человек смотрит не на меня, а на что-то забытое. Потерянное.

Я могла ошибаться в трактовке эмоций этого человека, но была почти уверена: я его заинтересовала. Вот только чем именно?

- Освальдо, я хотел обсудить поставки... - голос Модесто вклинился в тишину, возвращая всех к реальности.

Но Освальдо не спешил отводить от меня взгляд. Он смотрел так пристально, будто препарировал меня взглядом, пытаясь вскрыть черепную коробку и добраться до сути. Затем, словно получив искомый ответ, он наконец повернулся к Модесто. Разговор перешел на обсуждение оружия.

Оставшийся вечер проходит тихо и мирно, за исключением ясного ощущения – этот вечер я точно проведу не в своей комнате.

- Ты скоро уедешь? - шепот Габриэля был едва различим, будто он боялся спугнуть покой собственной комнаты.

Я опустилась рядом с ним на кровать и заглянула в его лицо. Его глаза - янтарные, как мои, как мамины, сияли в полумраке. И даже небольшое помутнение на левой радужке не портило их, а лишь подчеркивало.

- Мы уже обсуждали это, - отвечаю мягко, но с той непоколебимой уверенностью, которая всегда звучала в моем голосе при разговоре с ним. - Я всегда буду рядом. Чтобы ни случилось.

- Я боюсь, что больше тебя не увижу, - тихо признался он. - Ты все, что у меня осталось.

Я лишь грустно улыбнулась ему в ответ и, склонившись, коснулась губами его лба.

Габриэле замер, задержав дыхание, а затем медленно выдохнул, впервые за вечер позволяя себе расслабиться. Он был слишком взрослым для своих лет, но в глубине души все еще оставался десятилетним мальчиком. Ребенком, лишенным отцовской ласки и видевшим от старшего брата лишь жажду его смерти. Единственным воспоминанием о матери для него были старые фотографии - лишь хрупкие осколки прошлого.

У меня же было нечто большее - фортепиано. Мамино. То, которое когда-то ей подарил отец. Она его любила так же сильно, как и нас. Именно она научила меня играть и показала, что музыка может стать самым лучшим спасением. Безопасным островком, где есть только ты и дыхание твоей души.

Пусть общество и считало музыку не мужским делом, я тайком учила брата играть. Это была наша с ним тайна, доверенная лишь узкому кругу лиц - тем немногим, кому мы могли верить и кто так же, как мы, оплакивал разбитое на хрупкие осколки прошлое.

Отстранившись от него, приглаживаю выбившуюся прядку его пшеничных, немного вьющихся волос.

- Иногда ты так похожа на маму... Хотя я ее совсем не помню. Это ведь странно?

- Нет, совсем не странно, - я улыбаюсь ему и, наклонившись, тихо кладу ладонь ему на грудь. - Она всегда с нами, в сердце. И она бы безмерно гордилась тем, каким мужчиной ты становишься.

Он молча кивает, глубже закутываясь в одеяло, точно старается создать теплый кокон вокруг себя, ограждающий от реальности. Я поднимаюсь с кровати и направляюсь к двери, гася за собой свет.

- Эли...

Его голос останавливает меня у порога. Я оборачиваюсь и вижу его взгляд - прямой и твердый. Как клятва.

- Я обязательно стану сильным. Я смогу тебя защитить.

У меня на секунду сбивается дыхание. Но я тут же беру себя в руки. Он не должен видеть мою слабость. Это только мои мысли, моя битва.

- Обязательно.

Потянув за ручку, я выхожу в коридор и плотно закрываю за собой дверь. Лишь ощутив спиной ее холодную твердость, позволяю себе выдохнуть.

Только имея смысл жизни, можно выстоять в любой буре. Моя цель - оберегать Габриэле. Это мой долг и единственный путь искупить вину перед матерью. Если я не сломаюсь, судьба даст мне шанс попросить у нее прощения, пусть даже она не сможет мне ответить.

В этот момент я вновь даю себе то обещание, что прозвучало в душе десять лет назад. Тогда я впервые заслонила собой брата от Джуллио. Тогда же погас мой самый яркий свет.

- Закончила прощаться?

Я поднимаю глаза. В проеме стоит Джуллио, небрежно подпирая плечом косяк. Его ухмылка - мерзкая и самодовольная - не сходит с лица с тех пор, как он начал приходить за мной по вечерам.

Какое-то время я просто смотрю на него. Долго, изучающе. Не как на кровь от крови Аккарди, а как на ничтожество, чья жизнь не имеет цены. Он считывает мой взгляд мгновенно. Оттолкнувшись от стены, он отвешивает мне издевательский поклон, полный фальшивого почтения, и жестом приглашает идти вперед.

- Прошу вас, ваше величество. Вы знаете дорогу.

И я иду.

Снова в свой персональный ад.

Глава 2. Микеле

В тот день, когда встретил ее, я забыл – какого это, не иметь возможности видеть ее каждое мгновение своей жизни. И почему-то это ощущалось очень правильно.

У меня был всего один день, чтобы впервые за долгое время увидеть родителей и брата. День тишины, непривычной и даже чужеродной. Но что-то внутри безошибочно твердило - я дома. Впервые за тринадцать лет я был в окружении людей, ради защиты которых готов был пройти через ад.

Был.

Теперь же я стою в кабинете Модесто Аккарди, принимая на себя роль, уготованную моим отцом - телохранителя его дочери. Той, что через три месяца предстоит дать мне брачный обет перед этим мужчиной и навсегда сменить свою фамилию.

Девятнадцать лет - еще не женщина, совсем девчонка. Надеюсь только, что она не вырядится в какой-нибудь цветочный сарафан и не будет смотреть на меня своими детскими наивными глазами.

«Элисия... Она заслуживает внимания. Как и своей фамилии. Присмотрись к ней. Эта девушка не так проста, как кажется».

Вспомнились слова отца перед отъездом. Его лицо тогда было непривычно серьезным, а таким я его видел крайне редко.

Что же он в ней углядел? Впрочем, скоро я смогу это выяснить.

Устало выдыхаю про себя.

Сообщи мне кто о плане отца пару месяцев назад, я бы отверг его без раздумий. Слишком безрассудно. Я помнил эти светские вечера и встречи с кланами, когда был лишь пацаном, не имевшим веса.

Да, я стал другим, больше похожим на своего деда. Щетина, повзрослевшие черты лица и сильно изменившееся за эти годы тело сделали свое дело. Даже мать при личной встрече смотрела на меня с широко открытыми глазами.

Я поддерживал связь, получал отчеты и из далека наблюдал за тем, как Нино пытается заменить меня, лишь бы совладать со своей безумной натурой. Брат всегда был неугомонным. И, либо в нем до сих пор играет юношеский максимализм, либо... Нет, все-таки это характер.

Так или иначе, затея была рискованной. Внедриться в семью телохранителем, чтобы проверить Модесто и понять цену его докладам о доверенной территории - шаг отчаянный. Но отец всегда просчитывал ходы наперед. Этому учился и я.

Глядя на будущего тестя, я в очередной раз убеждаюсь в правоте отца. Этот человек не видит дальше собственного носа. Его мир ограничен деньгами и престижем, а на то, друг перед ним или враг, ему плевать. Главное - выгода.

Он был невысок, около ста семидесяти пяти сантиметров, а его тело заплыло жиром. Лицо, изборожденное морщинами, не запоминалось ничем, кроме одного – самодовольным взглядом, которым он смотрел на меня. На руках броские бриллиантовые часы и огромная золотая печатка. Это были не просто украшения, а вывеска, громко заявляющая о его статусе младшего Дона.

Что ж, это и к лучшему.

Чем выше комернее цель передо мной, тем легче заставить ее врасплох.

- Приступаешь к обязанностям сегодня, - он наконец отрывает взгляд от бумаг и смотрит мне в глаза. – Феделе введет тебя в курс дела. А вот и он.

Я поворачиваюсь к двери. Вошедший высокий мужчина игнорирует мое присутствие, полностью сосредотачивая внимание на Аккарди.

- Вы вызывали, - произносит он ровным тоном.

- Отведи этого...

- Карло Рэниро, синьор, - напоминаю, сопровождая слова вежливым, но холодным кивком.

Модесто коротко усмехается, небрежно взмахивает рукой и тянется к сундуку с сигарами.

- Он под твоей ответственностью, Феделе.

- Понял.

Лишь теперь вошедший мужчина переводит на меня свой мимолетный, ничего не выражающий взгляд и указывает на дверь легким кивком. Не задавая вопросов, я следую за ним.

В общем коридоре мы проходим мимо солдат, которые почтительно склоняют головы, глядя на мужчину. И это сразу бросается в глаза – Феделе Мариано здесь уважают. Его досье было в стопке тех бумаг, что я изучал перед прибытием в этот дом. Пятьдесят лет, ни жены не детей – всю свою жизнь он был рядом с прошлым главой клана – Антонио Аккарди. Когда же он умер из-за поздно обнаруженной болезни сердца, его заменил младший брат – Модесто. Но даже так, он всегда оставался предан этой семье.

Военная выправка, сосредоточенный взгляд и напряженное тело, всегда готовое к атаке – он боец, из которого навряд ли получится вытянуть хоть что-то. Поэтому отец дал мне три месяца – он с самого начала знал, что дело будет муторным.

Мы выходим из здания и направляемся по тропе к двухэтажному флигелю. Только здесь, вдали от чужих ушей, мужчина начинает разговор.

- В твои обязанности входит сопровождение синьориты на все мероприятия и выезды в город, - голос Феделе звучал ровно и безжизненно, словно он повторял заученный текст. - Помимо тебя, есть Теобальдо. Работать будете в паре, кроме дней, когда он занят на приемах или операциях. По всем вопросам - к нему. Если его нет - ко мне. Выходные - раз в две недели, по согласованию. Все понятно?

- Так точно.

Он чеканил инструкции на ходу, не сбавляя темпа и не глядя в мою сторону. Не задавал лишних вопросов, впрочем, как и Модесто. Тот вообще не принимал никакого участия в рассмотрении моей кандидатуры.

Но они были у меня.

- Могу я задать вопрос?

Феделе замирает у порога и только теперь поворачивается ко мне. Его взгляд не выражает ничего, кроме молчаливого разрешения говорить.

- Насколько я знаю, телохранителями становятся только те, чья верность семье доказана годами. Меня же взяли сразу после испытательного боя. Почему?

Я понимал, что ступаю на тонкий лед. В голове роилось два варианта развития событий: либо это покажет, что я слишком хорошо осведомлен о внутренних делах кланов, что неизбежно вызовет подозрения, либо как констатация их преступной небрежности в вопросах безопасности.

И я даже не знаю, какой из этих вариантов мне нравится больше.

Феделе смотрит на меня всего мгновение, а затем отвечает - коротко и исчерпывающе.

- Я увидел в тебе силу защитить ее.

Такого ответа я точно не ожидал, но и уточнять, что именно он имел в виду не стал – ответа все равно не последовало бы, судя по тому, что я успел увидеть в этом человеке. Он сдержан, немногословен и держит субординацию.

Больше он не произносит ни слова. Разворачивается и шагает внутрь. Я немедленно сле-
дую за ним, профессионально оценивая каждый угол на предмет возможной опасности или
скрытых наблюдателей.

Флигель оказался просторным, почти как основной дом. Однако атмосфера здесь была
иной - более легкой. Никакого мрачного дерева, мрамора или золота. Простая планировка в
светло-бежевых тонах. Насколько я помню по отчетам, его в свое время построил Антонио
Аккарди для своей невесты. Но брак они так и не заключили.

- На втором этаже два крыла. В левом - комнаты Элисии, Теобальдо и гостевая. В правом
- твоя, синьора Габриэле и Николины, его телохранителя и по совместительству няни, если
можно ее так назвать. В каждой комнате свой санузел, так что проблем быть не должно.

Слова Феделе заставляют на секунду сбиться с шага.

«Комната будущей жены рядом с телохранителем?» - эта мысль неприятно царапает
сознание.

Как Модесто вообще допустил подобное? Или тот парень здесь с иной целью? Нужно
будет присмотреться к этому телохранителю. Я не ханжа и не требую от жены девственности,
так как и сам я давно не невинен. Но измены я не прощу - брак для меня строится на абсолют-
ной преданности. Другого варианта нет и никогда не будет. И ей придется с этим смириться,
так или иначе.

- На первом этаже у нас кухня-столовая и кладовые, - продолжает он вводный инструк-
таж.

Феделе обошел массивную лестницу слева, и мы двинулись по коридору, откуда доноси-
лась музыка. Спокойная, но... пронизанная тоской мелодия фортепиано.

Мать тоже в свое время любила играть. Вечерами, когда отцу не надо было контроли-
ровать дела клана, она играла для нашей семьи. Это были самые уютные и теплые вечера в
нашем доме, напоминающие о том, что мы можем быть такой же обычной семьей, как и все
остальные. Только с оружием в каждой комнате и руками по локоть в крови. Но ее музыка
всегда была наполнена каким-то теплом.

Эта же была ее полной противоположностью.

У самой двери он резко остановился. Я заметил, как напряглись его плечи, как задержа-
лось дыхание и на мгновение в глазах промелькнул отголосок боли - не той, когда тебе ломают
кости и выворачивают суставы. Она была с иным привкусом, более горьким. Когда ты видишь
боль родного, но не можешь забрать ее себе. Мужчина быстро вернул прежнее самообладание.
Он медленно повернулся, его взгляд был тяжелым, предупреждающим.

- В комнате - полная тишина, пока она играет. И заруби себе на носу: здесь ты подчи-
няешься только ей, - он выдержал паузу, словно взвешивая, стоит ли продолжать. - И еще...
Если ночью услышишь крик, забудь о нем. Просто делай то, зачем вышел, и возвращайся в
свою комнату.

На моем лице отразилось недоумение, а интуиция, подкрадываясь к самому сердцу, шеп-
тала - в его словах скрыто то, что мне явно не понравится.

Что за чертовщина творится в этом доме?

Феделе не дал мне времени на вопрос. Он распахнул дверь и шагнул внутрь. Я помедлил
долю секунды и шагнул следом... чтобы тут же застыть на месте.

В огромной комнате с окнами в пол за черным роялем сидела она. Светлый тюль разве-
вался на ветру, а ее пальцы порхали по клавишам с невероятной легкостью. Хрупкая фигура,
тонкие кисти... Слишком маленькая, слишком слабая - казалось, ее можно было сломать так
же легко, как сигарету, зажатую между пальцев.

Короткое платье из нежно желтого шелка и профиль с чуть курносым носом и припух-
лыми губами. Это было самое чистое и самое невинное зрелище из всего, что я видел за послед-

ние тринадцать лет. Нет, пожалуй, за всю жизнь. Она казалась чем-то неземным, неприкасаемым... священным. Тем, что хочется сберечь.

Я был уверен, что ничего прекраснее этого зрелища не существует.

Уверен - до тех пор, пока не услышал ее голос.

*Я вижу, как ты прячешь взгляд в тени,
И как дрожит огонек твоей свечи.
Ты ищешь ответы в ночной тишине,
Считая, что ты осталась одна в этой войне.
Ты говоришь, что все потеряно давно,
Что в сердце твоём лишь пустое окно.
Но я-то знаю, что это не конец,
А лишь начало, где ты - творец.*

В душе треснул лед. Поползла первая, пока еще тонкая, но уже глубокая трещина. Я замер. Потому что впервые сквозь этот лед пробился свет – такой яркий и теплый, что обволакивал каждую клетку тела. Но я стоял на месте и боялся протянуть к нему руку. Протянуть руку к ней – девушке с чистым голосом, которая не заслуживает той бездны, не заслуживает той тьмы, что давно впечаталась в меня. Того ада, что я пережил и сделал из меня жестокого бойца, лишённого сочувствия. И в тоже время мне хотелось встать позади нее, как верный щит, чтобы навсегда ее сберечь. Эту чистую, невинную душу.

Что послужило толчком? Голос? Видение? Или слова, пропитанные такой болью, что ее не вместить в простое исполнение? Точно знаю одно – оно было чем-то сокровенным, что заставляет сердце биться в унисон с ее душой.

- Давно? - вопрос Феделе прозвучал приглушенно, с надрывом, и это казалось совершенно несвойственным для того образа, что я успел в нем увидеть.

- Пять часов, - донесся столь же тихий ответ.

Я наконец оборачиваюсь. У стены стоит молодой мужчина лет двадцати семи - ровесник Нино, не иначе. Светлые волосы, голубые глаза, легкая щетина и черный костюм, неотличимый от униформы телохранителей. В памяти сразу же всплывает одно из тех досье, что я недавно держал в руках. Теобальдо Вольпе. Тот, кто занимает место рядом с моей будущей женой.

Насколько мы знаем, он племянник Феделе, который почти с самого рождения, как и его дядя, служит этой семье.

С самого рождения...

Значит, они очень близки с этой женщиной.

Его взгляд прикован к ней. В нем читалась забота и преданность, но было что-то еще. Что-то неуловимое, что царапало меня изнутри, вызывая глухое раздражение. Я не мог понять природу этого чувства, и это злило еще больше.

Музыка оборвалась внезапно, оставив после себя звенящую пустоту. Я снова посмотрел на нее. Она замерла у фортепиано, пальцы все еще упирались о край инструмента, взгляд был прикован к колышущемуся тюлю, за которым виднелись большие сады с цветами лилий, а не к нам. Я не видел ее профиля, но чувствовал исходящую от нее тяжесть.

Время остановилось. Пять минут тишины растянулись в вечность, затем еще на десять. Никто не двигался и словно не дышал. Эта тишина была почти осязаемой, почти священной. Желание заговорить первым, задать вопрос, представиться было огромным.

Но я ждал. Не командира. Женщину. Впервые в жизни.

Прошло около получаса, прежде чем тишину прорезал тихий женский голос, в котором уже не было прежнего надрыва.

- Тебе что-то нужно, Феде?

- Я привел нового телохранителя.

В его голосе не осталось и следа командирской стали. Он звучал с той мягкой, почти отеческой теплотой, которая казалась здесь абсолютно неуместной. Особенно на фоне Модесто, который, насколько я увидел, говорил о собственной дочери с ледяным равнодушием, а порой и с нескрываемым презрением.

В этой семье точно не все так просто. И я должен был понять природу этих странных отношений. Не по приказу отца – это был мой выбор, который я готов признать и взять за него ответственность.

Наконец, моя будущая жена медленно поворачивает голову в нашу сторону. Она поднимается с места - грациозно, словно нехотя нарушая покой окружающего пространства - и делает несколько шагов мне навстречу. Замерев в паре метров, она останавливается, и теперь я могу рассмотреть ее целиком, без остатка.

Элисия Ангелика Аккарди.

Ее янтарные, с золотым отливом глаза поражают - пронзительные, кристально чистые, с таким насыщенным цветом, что он кажется невозможным.

Она смотрит на меня почти минуту, внимательно и без стеснения. Я не шевелюсь, позволяя ей изучать себя. Сама мысль об этом кажется абсурдной. Если бы мой брат увидел меня сейчас - окаменевшего, покорно ожидающего ее вердикта, его насмешки преследовали бы меня до самой смерти. И скорее его, чем моей.

- А у нас давно стали нанимать в телохранители моделей? - с легкой, почти невесомой улыбкой обратилась она к Феделе, стоявшему рядом со мной.

Мои брови сами собой взлетели вверх. От этой девушки я ожидал чего угодно, но не оценки моей внешности.

Феделе лишь кашлянул в кулак, словно выражая этим всю абсурдность этого вопроса. Зато второй мужчина, чье присутствие здесь было явно лишним, отреагировал громким фырканьем.

- Ну, меня же как-то приняли.

Взгляд Элисии сместился на него. В ее интонации не было ни капли яда, лишь теплая, дружеская ирония.

- Ты видел свое лицо в последнее время? Если хочешь быть у нас первым красавцем, придется как-то скрыть синяки под глазами и поработать над улыбкой.

- Обижаешь, Эли. Просто так и скажи, что мордашка твоей новой тени в твоем вкусе.

Беглым взглядом цепляю Теобальдо, неожиданно оказавшегося рядом с моей женой. Вернее, будущей женой, хотя разница несущественна.

- Я и не отрицала, - фыркнула Элисия, закатив глаза. - Просто не подтверждала.

- А что тебе не нравится в моем лице? Ты хоть знаешь, сколько за мной девушек бегают?

- Тебе лишь бы хвастаться своей популярностью. Смотри, подхватишь что-нибудь и прибежишь к нам с Феде плакаться.

- Мужчины не плачут, - отрезал Теобальдо.

- Господи, ты что, сексист? Неужели ты записался в какую-то сектантскую группу, а нам не сказал? - Элисия театрально прижала руку к груди и посмотрела на Феделе. - Феде, ты тоже в этом участвовал?

- Вы двое...

Я непонимающе взглянул на стоящего рядом мужчину. Он едва заметно покачал головой, выдохнул и с непонятным мне облегчением устался на продолжавшуюся перепалку, словно это была редкая передышка в их безумном мире.

Или мне просто показалось?

- Нет, серьезно. Сначала он пройдет допрос у меня, а потом, если повезет выжить, у Феде.

Я снова смотрю на Теобальдо, который в этот момент отчаянно жестикулирует, пытаюсь что-то донести моей жене.

- Разве Феде его уже не проверял? - Элисия изгибает бровь.

Ясно. Значит говорят обо мне.

Интересно.

- Феде уже старик. У него один глаз косит, а второй почти не видит.

- Тео, - тихо и с усмешкой произносит она, слегка ударяя его локтем в плечо, в то время, когда ее губы кривятся в мягкой полуулыбке.

Эли... и Тео.

Достаточно личное сокращение имени, произнесенные пусть и просто, но нежно. Именно это почему-то выводит из равновесия. Непонятно почему, но чувство нарастающей злобы постепенно захватывает разум.

- Может, уже обратите внимание на новенького в вашем дурдоме? - с усталой иронией предлагает Феделе.

В ответ они лишь закатывают глаза. Один за другим. Сначала она, затем он. Как близнецы, у которых одна реакция на двоих.

- Меня зовут Карло Рэниро, синьорита, - сообщаю я с натянутой улыбкой, не отрывая холодного взгляда от друга моей жены.

А они определенно больше, чем просто знакомые. Эта мысль отзывается глухим раздражением.

«Хоть бы не больше», - проносится в голове, оставляя жгучий отпечаток в сознании.

Если их связывает нечто большее дружбы, он станет проблемой, которую придется решать... радикально.

- Карло Рэниро, - шепчет она, словно пробуя имя на вкус, и ее взгляд снова фокусируется на мне.

Звучание моего фальшивого имени из ее уст кажется мне чужим и в то же время странно притягательным. На долю секунды я позволяю себе несвойственную слабость - мне хочется узнать, как бы оно прозвучало в ее исполнении по-настоящему.

Но ее внимание остается недолго прикованным ко мне, прежде чем она снова поворачивается к «Тео».

- Тео, скоро закончатся занятия у брата?

- Через десять минут.

- Он захочет прийти сюда, - девушка медленно поворачивает свою голову в пол-оборота. - Проследи, чтобы они не попались на глаза Джулио. Он любит навещать нас в такие дни.

- Как скажешь, - на этих словах мужчина разворачивается и проходит мимо меня.

Он быстрым шагом направляется к двери, но я успеваю заметить полный неприязни взгляд, брошенный в мою сторону. В нем явное раздражение, словно я - досадная помеха, которой здесь быть не должно.

Ситуация становится все любопытнее.

Когда дверь за ним мягко закрывается, она переводит взгляд на Феделе.

- Потери?

- Никаких.

- Хорошо.

Я не мог понять, почему на ее лице появилось облегчение, как не понимал и смысла их короткого разговора. Впрочем, это было неважно. Первый день только начался, а у меня впереди целых три месяца, чтобы узнать все тайны этой семьи. И моей жены.

- Тогда можешь идти, - Элисия наконец перевела взгляд на меня. - А ты останься.

Я приподнял бровь, изучая ее лицо. Она небрежным движением откинула волосы назад, открывая взгляду хрупкие плечи. Как только мы остались совершенно одни, она тут же подошла ближе, остановившись в паре шагов.

Дева Мария, она едва доставала мне до плеча. Как можно быть такой хрупкой и маленькой? Или я так долго был вдаль от женщин, что забыл, какими они кажутся рядом?

- У тебя есть девушка? – ее голос звучит с живым любопытством.

Я опешил от такой прямоты. И напрягся из-за предполагаемой цели этого вопроса.

- Серьезно? - я не смог сдержать ироничной усмешки.

Она не улыбнулась в ответ. Напротив, подалась чуть вперед, и ее взгляд мгновенно изменился - стал жестким, сосредоточенным. Как у настоящей дочери мафиози, что наследует фамилию вместе со всем весом, идущим в приложении.

- Отвечай на вопросы, Рэниро.

- Нет.

- Жена?

Я выдыхаю, не веря своим ушам.

- Пытаешься меня соблазнить? - сарказм сочится из каждого слова.

Ее реакция мгновенна. Лицо становится каменным, взгляд колючим, а нос презрительно морщится.

- Ха, - она закатывает глаза с нескрываемой усмешкой, такой едкой, что мне становится самому некомфортно от собственного вопроса. - Уж поверь мне, если бы я поставила себе такую цель, наш диалог выглядел бы иначе, - она делает паузу, не сводя с меня глаз. - Отвечай.

- Нет. Ни девушки, ни жены, ни семьи.

Теперь я сам сокращаю дистанцию до единственного удара сердца, наклоняясь к ней так близко, что вижу собственное отражение в ее янтарных глазах. Только сейчас у меня получается наконец рассмотреть их радужку – ее контур темный, почти черный, но сам их цвет – чистое золото с небольшими коричневыми прожилками.

Боже, эти глаза когда-нибудь станут моей погибелью.

Она не отстраняется. Стоит на месте, словно скала, и продолжает наблюдать за мной, пытаясь заглянуть в самую душу. Уверен, если бы этой девушке доверить допрос, она бы смогла вытянуть информацию даже из моего отца. И это делает ее чуть ближе, как будто понятнее.

- Причина, по которой ты здесь?

- Деньги, - выдаю заранее заготовленный ответ.

Она едва заметно качает головой, не разрывая зрительного контакта.

- Ложь. Я знаю людей, для которых это главный мотив. Знаю и тех, чья преданность Модесто не знает границ, - в ее голосе звучит стальная уверенность. - Впрочем, опустим это. У тебя есть кто-то, кому нужно будет сообщить о твоей гибели?

Я опешил.

Этот вопрос... Он звучал из ее уст так буднично, словно речь шла о покупке хлеба. Обычно такое спрашивают в армии, подписывая контракт на смерть. Но здесь? В мафии? От нее? Это было за гранью моего понимания.

- Нет, - отвечаю с опозданием в долю секунды.

Еще мгновение она прожигает меня взглядом, а после молча отворачивается и идет к фортепиано. Ее пальцы касаются его так бережно, будто это живое существо. Легкая полуулыбка медленно трогает уголки ее губ, ветер треплет волосы, создавая обманчивое впечатление мягкости, но ее глаза все еще остаются цепкими.

- Запомни, Карло Рэниро, - она, обернувшись, смотрит на меня в упор и в ее взгляде столько силы, что мне становится интересно, какой все же была ее жизнь. - Здесь ты никто. Тень. Тебя приставили ко мне, но внутри этого дома моя защита - не твоя забота. Главное

правило выживания: никогда не вставай между мной и другим членом Аккарди. Что бы ни случилось.

Ее слова посылают импульс в мозг и желание прямо сейчас выбить из нее все ответы застилают мозг. Это не те жестокие мысли, всплывающие в сознании сами собой, ставшие привычными как само дыхание. Это нечто другое – желание тихо подкрадываться к ней, быть всегда чуть на шаг позади, чтобы она смогла мне довериться. И когда это произойдет – она сама все расскажет.

- Я понял.

Я чувствую себя неудобно, словно новобранец перед строгим командиром.

Какого дьявола?

Эта женщина... она притягивает внимание, даже если ты этого не хочешь. В ней чувствуется прозрачная, почти неземная грация. Глаза – не холодные, как может показаться на первый взгляд. В ней есть глубина – слишком притягательная, полная соблазна окунуться в нее и все для того, чтобы узнать, какие тайны скрываются за этим спокойствием, разрушающим привычный уклад мыслей.

Элисия собирается что-то добавить, но в этот миг тишину нарушает скрип двери. В комнату врывается мелкий мальчишка, которого я уже видел в документах отца, а за ним уже знакомые мне Теобальдо и еще одна девушка, с короткими волосами, в черной юбке и белой блузке без рукавов. Но я быстро о ней забываю, как только замечаю сцену, открывшуюся перед нами.

- Эли!

Его звонкий возглас заполняет пространство. Он стремительно преодолевает расстояние и повисает на шее у сестры. Элисия смеется - искренне, заразительно. В этот миг я понимаю: в ее жизни есть что-то важнее музыки.

Важнее чего бы то ни было.

Две драгоценности, способные смягчить ее взгляд и наполнить его той нежностью, которую я помнил лишь по глазам матери.

И почему-то именно сейчас мне до боли захотелось стать для нее третьей.

Глава 3. Элисия

Он не сказал ни слова о моем исполнении, но по его глазам я поняла - он услышал ту музыку, что звучала во мне. И в этот миг я впервые ощутила, что моя жизнь перестала быть тайной - у нее наконец появился свидетель.

Прижимая брата к себе чуть крепче, я ненадолго прикрываю глаза. Габри сразу это чувствует – он всегда отличался повышенной чуткостью, особенно к близким людям. Отвечая на мою внезапную нежность, он обхватывает меня в кольцо своих рук и сильнее прижимает свою макушку к моей груди.

Он рядом. Живой. Со мной.

- Эли, - обеспокоенно произносит он.

Разжав объятия, я сразу присаживаюсь перед ним на корточки, беру его за руки и смотрю прямо в глаза.

- Тебя опять...

- Все хорошо, Габри, - ласково поправляю выбившуюся прядь его волос. – Просто устала немного.

Улыбка, тронувшая мои губы, была самой честной из всех возможных. Я не лгала - усталость свинцовой тяжестью давила на плечи. Два дня вдали от брата стали настоящей пыткой, особенно когда ты не можешь в моменте повлиять на его судьбу. Все, что у меня оставалось - хрупкая надежда на слово, данное Модесто много лет назад.

Каждый раз, возвращаясь во флигель, я первым делом спрашиваю о брате. И каждый раз слышу один и тот же ответ: «Все хорошо».

Но к Габриэле я иду не сразу. Сначала спешу к фортепиано - к той единственной частице, что осталась мне от матери. И каждый раз оно словно напоминает – все это не зря. Только когда немного успокаиваюсь и прихожу в себя, ко мне приводят брата.

Бросаю быстрый взгляд за его спину: Тео коротко кивает, принимая привычное расслабленное положение у стены. Перевожу взгляд на Николину - в ответ сдержанный кивок и легкая полуулыбка.

Она - одна из немногих, кто знает обо всем, что происходит в этом доме. Я заметила ее на улице: мальчишеская стрижка, обвязанные руки, а вокруг - спасенный ею мальчуган и растерянные хулиганы. Тогда я сразу поняла -она нам нужна. Мне нужна. Чтобы быть рядом с братом.

Добрая сердцем, немногословная и любящая детей - о лучшей защитнице для Габри я и мечтать не могла. Ее роль в доме - нечто большее, чем просто охрана. Она как няня - в строгом костюме, прячущих шрамы души и тела. И за ними скрывается гораздо больше, чем простой ожог на спине и непримечательное имя.

С самого первого дня в доме она нашла с Габри общий язык. На это не потребовалось много времени - брат всегда видел людей насквозь. И это не раз спасало его, заставляя держаться подальше от людей Джуллио.

- Сестра, а это кто? - с искренним детским любопытством спрашивает брат, указывая на новое лицо в этой комнате и нашей жизни.

Я невольно перевожу взгляд туда, куда смотрит Габри, и замечаю Рэниро. Он стоит всего в паре шагов, внимательно изучая нас. Но его интерес направлен не столько на брата, сколько на меня.

Его глаза - карие, почти бездонные - заставляют сердце на мгновение замереть. В них нет ни тени того взгляда, которым обычно смотрят на меня: ни презрения к «изуродованной прин-

цессе мафии» от людей Джуллио, ни холодного расчета, когда видят лишь способ подняться выше, приблизиться к Модесто. В его взгляде - что-то иное. Что-то обещающее. Обжигающее.

Стараясь отогнать непрошенные мысли, я слегка прищуриваюсь.

- Это Карло Рэниро, мой новый телохранитель.

Руки брата выскальзывают из моих, и он, не колеблясь, шагает к Рэниро. В его движениях нет ни робости, ни скованности, хотя внушительные габариты мужчины могли бы напугать кого угодно.

Новый телохранитель слегка... необычен. В нем угадывается что-то от Феде - та же военная выправка, собранность, и в то же время - от Освальдо, с его спокойной уверенностью человека, который всегда держит ситуацию под контролем. Интересное сочетание. Интригующее, я бы сказала.

Рэниро наконец отводит взгляд от меня и смотрит на Габри. В его глазах больше нет ни того пронизывающего интереса, ни той пронизательности, которыми он смотрел на меня последние несколько минут. Теперь в них - только мягкое, почти отеческое тепло, которое бывает обращено лишь к ребенку.

- Ты сильный, - спокойно произносит Габри, и в его голосе появляются непривычные, собранные нотки, которые я слышу только во время наших занятий.

- Хочешь стать таким же? - спрашивает Рэниро.

В его тоне нет ни насмешки, ни иронии, с которыми он еще недавно обращался ко мне.

Интересно, какие еще есть грани в этом мужчине, о которых я не знаю?

- Да. Я должен быть сильным, чтобы в будущем защищать свою сестру, - уверенно отвечает брат.

От его ответа, такого привычного, на сердце снова разливается тепло.

Рэниро опускается на корточки, чем немало меня удивляет. Он бережно берет руки брата, внимательно рассматривает его мышцы, а затем, отпустив их, заглядывает Габри прямо в глаза.

- Если будешь усердно тренироваться и научишься самоконтролю, то обязательно сможешь ее защитить.

- А при чем тут самоконтроль? - в голосе брата звучит искреннее недоумение.

- Он нужен любому бойцу. Сила не только защищает близких, но и дарит лишнюю уверенность, которая порой может навредить тем, кого мы любим. Поэтому важно уметь контролировать свои мысли, - Рэниро аккуратно касается пальцем виска брата. - Тогда, даже став сильным, ты не потеряешь себя.

Брат на мгновение замолкает, обдумывая услышанное, а затем, кивнув, поворачивается ко мне.

- Мне он нравится.

Его вердикт звучит как у будущего дона, только что принявшего одно из самых важных решений в жизни. Это заставляет меня искренне рассмеяться.

Удовлетворенный моей реакцией, Габриэле снова обращается к моему новому телохранителю и начинает засыпать его вопросами: как стать таким же высоким, как нарастить мышцы, сколько нужно тренироваться и какие упражнения делать.

Рэниро терпеливо отвечает, но даже в разговоре с Габри его взгляд то и дело возвращается ко мне. В этих редких взглядах читается невысказанное: «Я знаю, как он тебе дорог, и сохранию его». Возможно, это всего лишь мое наваждение, вызванное нашей недавним разговором о девушках и соблазнении, но оно невольно заставляет меня всмотреться внимательнее в его черты.

У него темно-каштановые, слегка отросшие волосы с легкой волной, карие глаза, четко очерченные скулы, волевой подбородок и прямой нос. Но главное - рост. Он кажется огромным по сравнению со мной.

И он смотрит прямо на меня. Не мимо, не сквозь - вглубь. Словно просит довериться. Но для этого еще слишком рано.

Заметив движение боковым зрением, я наконец отвожу взгляд от Рэниро, выпрямляюсь и встречаюсь глазами с подошедшим Тео.

- Два дня они занимались с Николиной и Феде, но...

- Он все равно все понял, - я коротко киваю, снова бросив взгляд на Габри. - Он очень умный и наблюдательный мальчик. От него не получится ничего скрыть.

- Думаешь, ему можно доверять? - в его голосе тихое, искреннее беспокойство.

Я перевожу взгляд на Тео. Он смотрит мне прямо в глаза, словно ищет в них ответ. Получив его, тихо добавляет.

- Я прослежу за ним какое-то время.

- Спасибо.

Проследить за Рэниро не будет лишним, особенно учитывая его пребывание рядом с Габриэле. И то, что мой брат уже без ума от нашего нового телохранителя.

Выдохнув, я подхожу к открытому панорамному окну, за которым виднеется небольшой сад, полностью усаженный белыми лилиями, окружающий флигель. Тео тут же следует за мной и останавливается на террасе. Я делаю глубокий вдох, наполняя легкие свежим воздухом, и поворачиваюсь к нему.

- Есть новости?

Тео устало выдыхает, запуская пальцы в волосы, а затем, словно стряхивая с себя напряжение, убирает руку в карман.

- Модесто ведет переговоры с префектурой Хоккайдо. Речь идет о поставках оружия. Его цель - Якудза.

- У них каналы в Албании. Он хочет создать свой собственный маршрут, минуя Коза Ностру, чтобы не делиться прибылью, - я делаю паузу, осмысливая масштаб его авантюры. - Но сейчас Сальваторе из-за террора в тех регионах прекратил торговлю с албанцами. Если станет известно, что младший босс Ломбардии нарушил решение Комиссии, Аккарди подпишут себе смертный приговор.

- Поэтому ему так срочно понадобился этот брак.

В ответ я коротко киваю.

- Если я забеременею, у него появится рычаг давления.

Тео задумчиво кивает в ответ, его взгляд становится пустым, устремленным в никуда. Между нами повисает густая, почти осязаемая тишина. Никто не спешит ее нарушать - мы оба погружены в тяжелые раздумья о том, как спасти то, что осталось от нашей семьи. Семьи, которая может рухнуть в любой момент, стоит Комиссии прознать о жадных до власти махинациях Модесто.

И именно нашей, потому что Феде и Тео давно стали ее частью. Если бы не они и их поддержка, мы бы и не продержались так долго.

А что касается Комиссии...

В нем сейчас пятеро младших боссов, и по меньшей мере трое из них безраздельно предан Сальваторе. Конечно, это не касается Модесто. Все они закрыли свои территории для выходцев из Албании и Македонии - стран, раздираемых гражданской войной. Политика Коза Ностры проста и незыблема: мы торгуем, но не вмешиваемся в чужие распри, если они не несут прямой угрозы нашим интересам, сохраняя нейтралитет.

Единственный выход - обратиться напрямую к главам других префектур в Японии или к Чикагской мафии, которая всегда была тесно связана с нашей семьей. Но эти связи налаживал еще Антонио, брат Модесто.

А нынешний дон... Он разрушил все, что его предшественники строили десятилетиями.

- Что будешь делать? - голос Тео, в котором слышится неподдельный интерес, вырывает меня из раздумий.

Я медленно выдыхаю и вновь поворачиваюсь к нему. Он смотрит на меня в ожидании, всегда готовый по первому слову передать все Феде и начать действовать.

Но сейчас еще не время.

- Будем ждать. Я должна наконец увидеть своего жениха. Возможно, мне удастся заключить с ним сделку и спасти то, что еще осталось от нашей семьи. А пока... - я на мгновение замолкаю, собираясь с мыслями. - Нам нужно подумать о Габри. Время почти пришло, мы больше не можем это скрывать. Свяжись с доктором. Все должно быть готово.

Тео, как всегда, коротко кивает. Его спокойное «понял» звучит как обещание, и он уходит, оставляя меня наедине с тревожной тишиной.

Выдыхаю.

Я никогда не стремилась вникать в дела кланов - моей единственной заботой всегда был брат. Но ради его безопасности мне приходится держать руку на пульсе всего, что происходит в этом доме.

Именно незнание, даже самое невинное, однажды может стать роковым. Поэтому Феде держит меня в курсе каждого шага. В каждую свободную минуту, когда он не занят обязанностями консьержа, он посвящает себя обучению Габри, как когда-то учил меня.

Я не вмешиваюсь в политику, не принимаю решений и не веду переговоры с другими семьями - почти ни с кем. Я как наблюдатель, который терпеливо ждет идеального момента для осуществления нашего плана. Того единственного шанса, что однажды сможет спасти Аккарди от предателей внутри семьи.

Вся моя надежда - на Микеле Сальваторе, моего будущего мужа, которого я даже не видела. Что ж, если в нем есть хотя бы половина силы и проницательности его отца, мы сможем найти общий язык. Уверена, Освальдо тоже выгодно, чтобы Аккарди продолжали надежно охранять свои границы. Для этого нужен лишь правильный наследник.

Я еще какое-то время стою на крыльце, а когда наконец возвращаюсь в реальность, захожу внутрь - и тут же замираю. На мгновение в комнате стало тихо. Даже сердце забыло, как отбивать свой ритм.

В дверях комнаты стоит Джуллио. Прямо перед Габри, который вытянулся по струнке. За его спиной - Николина, ее тело напряжено до предела, а чуть в стороне - Рэниро. К счастью, он, судя по всему, тоже мгновенно считывает повисшее в воздухе напряжение.

- Что-то случилось, брат? - спокойно спрашиваю я, подходя ближе и вставая рядом с Габриэле.

Джуллио окидывает меня презрительным взглядом, проводит языком по уголку губы и кивает в сторону Рэниро:

- Смотрю, у тебя новенький.

- Как видишь, телохранители у меня не задерживаются, - с мягкой улыбкой отвечаю я.

- Интересно, почему же, - усмехается он, а затем переводит взгляд на Габри. - Братишка, ты так и не рассказал, как тебе спалось без твоей замечательной сестренки? Неужели не хочешь поговорить со старшим братом? - он засовывает руки в карманы и наклоняется к застывшему Габри, чтобы их глаза оказались на одном уровне. - Ты же знаешь, что лучше меня не злить, иначе твоей любимой сестре...

- Я уже не маленький, чтобы засыпать под чье-то пение, - тут же выпаливает Габриэле.

Джуллио хмыкает и исподлобья бросает на меня тяжелый взгляд.

- Николина, проводи, пожалуйста, Габриэле в его комнату. Скоро у него должен начаться урок, - спокойно произношу я, не сводя взгляда с выпрямившегося Джуллио.

Николина тут же подходит к Габриэле.

- Идемте, синьор.

Но Габриэле не двигается с места. Он застыл, почти не дышит - его взгляд прикован к старшему брату, который продолжает усмехаться, не отрывая от меня глаз.

- Габриэле, - тихо, но твердо говорю я, и в моем голосе звучит та самая стальная нотка, которую я так редко ему демонстрирую.

Я по-прежнему смотрю только на Джуллио, но чувствую, как младший брат на мгновение напрягается, а затем, сжав кулаки, выходит из комнаты. Николина следует за ним.

Теперь, когда в помещении остались только я, Рэниро и Джуллио, последний делает шаг вперед.

- Ты его отлично выдрессировала. Только жаль, что напрасно, - он пожимает плечами. - Он все равно останется никчемным носителем фамилии Аккарди. Прямо как ты.

- Не забывай, кто в нашей семье - истинный носитель фамилии. Чистота крови, помнишь? Вы так любите тыкать меня в это носом.

Джуллио делает еще один шаг ко мне, и тут же за моей спиной напрягается Рэниро. Я не вижу этого, но чувствую каждой клеточкой тела. Брат на мгновение бросает взгляд поверх моей головы, встречаясь глазами с моим телохранителем. Что бы он там ни увидел, его губы кривятся в усмешке.

- Ха, - он снова смотрит на меня. - Мне вот любопытно, как быстро ты раздвинешь ноги перед кем-то, кроме своего хваленного жениха? Он ведь так не хочет брать тебя в жены, что до сих пор торчит в том аду.

- Как только он придет, раздвину их и для него. Нам ведь так нужен будет *наследник*, - спокойно отвечаю я, не отводя взгляда.

Джуллио выпрямляется, будто от пощечины, прекрасно осознавая вес моих слов. Он усмехается, но в этой усмешке уже нет прежнего превосходства - только холодное презрение и скука.

- Запомни, Элисия, - он говорит это равнодушным тоном человека, который уверен, что я вот-вот сломаюсь. - Молись, чтобы я не узнал о твоей беременности. Потому что я не буду ждать выяснения пола - я вырежу ублюдка прямо из твоего живота, а после оставлю тебя умирать, как твою хваленую мать.

Его слова ледяными тисками сжали сердце. Как будто мне только что озвучили приговор. Я не смогла выдать ни звука - лишь продолжала смотреть ему в глаза. Это было единственное, на что у меня хватило сил. Единственное, что удерживало от срыва. Ногти до боли впились в ладони, но я стояла неподвижно.

В голове громким гулом разрывалась одна единственная мысль: «Не отворачивайся, иначе он заметит».

- А ты... - теперь Джуллио обращался к Рэниро, все так же стоявшему за моей спиной. - Подумай, кому лучше служить. Девчонке, которую в любой момент может убить собственный муж, или тому, кто скоро станет главой Аккарди.

Он развернулся и ушел, бросив на прощание слова, которые оставили холодным лезвием борозды на сердце. Только теперь я позволила себе закрыть глаза и до боли стиснуть зубы, чтобы сдержать подступившие слезы.

Воздух сдавливал грудную клетку всей той тяжестью, что порой казалась невыносимой. Эмоции, которые я только недавно смогла выжать из себя вместе с игрой, снова накрыли волной цунами. Это было слишком много для пространства, в котором я снова задыхаюсь.

Не прошло и минуты, как я почувствовала за спиной мужское присутствие, заставившее меня вздрогнуть от неожиданности.

Рэниро. Совсем забыла...

Быстро проморгавшись, я снова повернулась к нему - и увидела...

Полное непонимание и растерянность, как у мужчины, который не знает, как подойти к плачущей девушке. Я больше не сдерживала слезы: одна за другой они скатывались по щекам. Рэниро протянул руку, чтобы стереть их, но я слегка отшатнулась.

Чувство было такое, будто я стою перед ним обнаженная, полностью уязвимая. И это ломало меня. Такими меня видели только Феде и Тео. А теперь и он - мужчина, внезапно появившийся в этой комнате, который с первого взгляда проникся к Габри, а при встрече со мной услышал мою музыку.

Мою... Я это видела...

Больно. Как же больно...

- Тебе все равно придется выбрать сторону, Карло Рэниро, - на моем лице появляется обреченная улыбка, но она тут же тает, когда я смотрю на фортепиано. - А теперь можешь идти. Я буду играть.

Я прохожу к табурету и сажусь за инструмент. На мгновение закрываю глаза, мысленно обращаясь к образу той, что всегда была рядом.

Слышу, как щелкает замок.

Он ушел. Оставил меня одну.

Усмехаюсь. Конечно, я же сама приказала.

Сама...

- Я не буду тебе мешать, - раздается в тишине низкий мужской баритон, и я вздрагиваю.

Глаза мгновенно распахиваются. Я резко оборачиваюсь и вижу... его.

Остался.

Карло Рэниро... остался.

Он стоит у стены, сцепив руки за спиной. Последние лучи солнца падают на его лицо, делая взгляд чуть светлее. Как будто мягче. Даже с такого расстояния я вижу в нем одно: «я буду рядом».

Почему-то от этого сердце снова сжимается. Не раз мою игру слушали Тео или Феде. Но они - семья, те, кто был рядом с самого рождения. А присутствие Рэниро ощущалось иначе - как будто моя жизнь впервые обрела свидетеля, который не осуждал, а просто... принимал. Присутствовал.

И этого казалось достаточным, чтобы сегодня я ему доверилась. Только сегодня.

Не сказав ни слова, я на мгновение задерживаю дыхание и возвращаю взгляд к фортепиано - к отголоску прошлого, что всегда давало мне опору.

Пальцы касаются клавиш, и я начинаю играть. Вся боль выходит наружу вместе с музыкой. И только когда заходит солнце и в комнату проникает лунный свет, моя мелодия страданий берет свою короткую паузу.

Глава 4. Микеле

*Уставшая, она шла, с трудом неся за спиной свои сильные крылья.
Ее тихий голос иногда влетался в ритм ее же мелодии, и я невольно
поддался этому очарованию. Ее ангельскому очарованию.*

За три недели службы мне дали лишь один отгул - два дня, когда я мог не думать о приказах. Я использовал их для встречи с Марселло в баре. Новостей было мало - Модесто с сыном тайно встречались с Якудза, но детали остались неизвестны. Даже Марселло, сидевший через стенку от них в ресторане, не смог ничего выяснить.

Каждую свободную минуту в доме Аккарди я проводил под аккомпанемент чужих разговоров, которые могли дать малейшую зацепку и исследование всей имеющейся у нас информации. Искал все, что могло оставить след в системе: финансовую отчетность, предоставляемую Модесто, структуру организации, цепочки всех поставок, проводимых за последние тринадцать лет.

Все происходило слишком чисто. Без каких-то лишних утечек, точно все было предельно выверено.

С тех пор минуло десять дней. Даже если мне снова позволят уйти, отцу я смогу сказать лишь то, что Модесто затеял свою игру за спиной Комиссии. Но без весомых доказательств это лишь слова. Мне нужно либо втереться в доверие к Феделе, либо найти подход к Джуллио.

Джуллио.

После того дня, когда произошла встреча во флигеле, мы больше не встречались. Оглядываясь назад, я понимаю - ухватись я тогда за предложенную нить, возможно, уже держал бы в руках доказательства вины Аккарди.

Но я не мог поступить иначе.

Спустя десять минут после ухода Теобальдо порог музыкальной комнаты переступил наследник Аккарди. Воздух в комнате сразу сгустился. Габриэле, минуту назад рассуждавший о долге защитника, мгновенно вырос перед братом живой стеной, преграждая путь в комнату. Николина молча встала плечом к плечу с мальчиком.

Мне не требовалось гадать, от кого они пытались уберечь ту, что скрывалась на террасе. Напряженные плечи этих двоих сказали тогда все, что мне нужно было знать.

Джуллио, конечно же, заметил меня. Его предложение было адресовано не только мне - это был спектакль для всех присутствующих.

Возможно, не отреагируй Габриэле так остро – я бы его принял. Чем быстрее добуду доказательства, тем меньше шума вызову после раскрытия всех деталей этой операции.

Но я увидел слишком многое.

Увидел, как с ледяным спокойствием девушка, до сих пор смотревшая на младшего брата с материнской любовью, заставила его уйти из комнаты тем приказным тоном, который не терпел возражений.

Увидел, как девушка, что всего четверть часа назад препиралась со своим телохранителем, сама приняла на себя эту задачу.

Увидел, как маска этой девушки треснула сразу после ухода брата.

Увидел, как упоминание матери заставило ее плечи содрогнуться от беззвучных рыданий, а пальцы сжать ткань платья так, что костяшки побелели.

Когда она обернулась с тихой улыбкой и предложила мне выбрать сторону, все стало кристально ясно. Решение остаться с ней не было результатом холодного расчета или страха навредить клану - оно было абсолютно верным.

Она - моя будущая жена. Моя зона ответственности.

И я не был бы мужчиной, если бы не встал за ее спиной в тот момент, когда она одна выстаивала против Джуллио.

Не одна. Больше нет.

Ее просьба уйти лишь укрепила мою решимость. Я закрыл дверь. Остался с ней, потому что иначе не мог.

В ее глазах мелькнуло удивление, а затем она задержала дыхание. В тот момент я понял - она меня приняла.

Моя. Жена. Приняла. Меня.

Пусть и самую ложную ее часть.

Она села за фортепиано, и комната наполнилась музыкой. Она играла до изнеможения, пока испарина не заблестела на ее коже. Музыка была ее исповедью, с каждой нотой высвобождая те чувства, что таились в глубине этих невероятных, янтарных глаз.

А я стоял в тени и слушал эту мелодию ее души до тех пор, пока она не закончила, не прошла мимо меня с тихим «спасибо» и не исчезла в темноте коридора.

Ее пальцы касались клавиш каждый день. Музыка менялась вместе с ее настроением: от беззаботных пятнадцати минут до шести часов надрывной мелодии, напоминавшей мне о нашей первой встрече.

Иногда к ней присоединялся Габриэле.

Я не мог не восхищаться этим мальчиком. За темными стеклами очков скрывался острый взгляд и выверенные движения. Его «инвалидность» была фикцией для чужих глаз. Да, его реакции были порой замедленны, но это не отменяло очевидного – его прогресс тщательно скрывали.

В тайне от всех Николина занималась обычными тренировками или зарядкой для глаз, Феделе Мариано посвящал его в тонкости клановой политики, а Теобальдо учил стрелять.

Это была их тихая война за его жизнь против Джуллио.

Сами же «хозяева», Модесто и Джуллио, редко заглядывали в этот мирок. Здесь жили только «свои». Это была семья в самом чистом виде: шумные ужины, истории по вечерам, смех и подколы, в которых не чурался участвовать даже суровый Феделе. Я видел этот контраст особенно остро после тринадцати лет службы. Здесь, в этом доме, он был отцом, а за его стенами безжалостным палачом.

Даже сейчас эта иллюзия покоя не рассеялась. Мы стоим на кухне: Николина у раковины моет посуду, Элисия с полотенцем вытирает тарелки, Габриэле раскладывает приборы, а я вожусь со столешницей и провожу влажную уборку.

Эта простая домашняя суета обволакивала тем уютом, к которому пугающе быстро привыкаешь. И его действительно хотелось сохранить.

- Эли, а мы посмотрим сегодня тот боевик? - с детским нетерпением спрашивает Габриэле, выхватывая вилку из рук сестры.

- Посмотрим, если успеем, - она весело пожимает плечами, складывая полотенце.

Лицо мальчика озаряется улыбкой, и я ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь.

Подумать только – Микеле Сальваторе, который на протяжении тринадцати лет вырывал из людей информацию с помощью пыток и был на передовой, прямо сейчас стоит и вытирает стол от крошек, потому что «здесь так заведено». Да еще и улыбается – не просто шуткам, а тому спокойствию, что чувствует в данный момент.

Но идиллия длится недолго. Едва слышные шаги в коридоре заставляют меня подбаться. Улыбка исчезает, а на ее место приходит ледяное спокойствие.

В дверном проеме замирают Теобальдо и Феделе. На лицах спокойствие, но даже оно не может скрыть предельного напряжения тел.

Это плохой знак.

Насколько я знаю, сегодня Модесто пытался заключить соглашение с Тριάдой и Братвой о транзите оружия. Провал означает огромные убытки для всей Коза Ностры. А это прямой путь к созыву экстренной Комиссии.

- Соглашение? - голос Элисии звучит ровно.

Она выходит из-за кухонного островка, и ее голос меняется до неузнаваемости: в нем появляется та стальная решимость, которую я видел лишь перед Джуллио.

- Заключили. На условиях Коза Ностры, - мгновенно рапортует Феделе.

Логическая цепочка выстраивается сама собой. Раз соглашение подписано на их условиях, значит, переговоры прошли успешно и полномасштабного конфликта удалось избежать.

Но их напряжение не спадает. И вывод здесь напрашивается только один.

- Потери? – голос Элисии звучит уже тише, но все так же ровно.

В кухне повисает тяжелая тишина, которую нарушает ровный голос Теобальдо.

- Энрико Монро и Гарри Питерс.

Два имени. Два солдата, сложивших головы и не выпустивших оружия. В мафии смерть - обыденность. Она настигает на переговорах, в случайных перестрелках или на изнурительных тренировках.

Это привычный порядок вещей.

Я не знаю клан Аккарди в лицо, но этих помню. Энрике, совсем молодой, лет двадцати пяти, и Гарри, старше, около сорока. Они были из «простых», подчинялись напрямую Феделе и, кажется, даже не были знакомы с Элисией.

Но почему же тогда воздух в комнате наэлектризован? Почему тела всех собравшихся скованы напряжением?

- Дайте мне десять минут, - голос Элисии звучит глухо, она оборачивается к брату. - Габри...

- Езжай, - он улыбается ей. - Кто-то должен это сделать.

Она склоняется и целует его в макушку, а затем стремительно покидает комнату.

- Я подготовлю машину, - буквально бросив фразу, Теобальдо исчезает следом за ней.

Феделе уже в дверях отдает приказ.

- Рэниро, дождись Элисию. Мы ждем на улице.

Я стою в оцепенении, сбитый толку этой слаженностью. В повисшей тишине ко мне подходит Габри и заглядывает в глаза. В его взгляде читается немой вопрос. Я молча поднимаю бровь, ожидая, когда он озвучит то, что его тревожит.

- Карло, ты теперь тоже за нее в ответе. Если с ней что-то случится, именно твоя голова полетит с плеч, - голос этого мальчишки звучит с такой властной интонацией, что я невольно улыбаюсь про себя.

В нем действительно есть стержень будущего дона.

- Так точно.

Габриэле улыбается и покидает комнату. Я же выхожу ждать Элисию.

Когда она спускается, все становится на свои места: строгое черное платье, убранные волосы. Она подходит ко мне, заглядывает в глаза и мягко улыбается, прежде чем выскользнуть на улицу.

Я следую за ней тенью к заднему выходу из владений Аккарди.

- Ты когда-нибудь служил? - ее вопрос звучит в тишине, обращенный скорее в пустоту перед нами, чем ко мне.

Я медлю долю секунды.

- В армии. Три года.

Я хотел бы сказать ей правду, но время еще не пришло.

- Тогда ты знаешь, что нам предстоит, - ее слова звучат почти шепотом.

- Знаю.

Я знаю это слишком хорошо.

Пусть мой опыт и отличается от службы в регулярной армии, но ритуал прощания с павшими практически везде одинаков. Это последняя дань уважения – отправиться к родственникам для того, чтобы сообщить о смерти и передать личные вещи.

Но я никогда не слышал, чтобы в мафии эту тяжелую обязанность брала на себя женщина. Это была работа капо или, в крайнем случае, консильери.

Наблюдая за ней, я снова чувствую, как рушатся мои представления об этом мире.

Кто она? Почему именно она занимается тем, чем должен заниматься непосредственный начальник? Обычная привязанность к солдатам? В мафии – она как утрата с отсрочкой. И это понимает каждый.

И все эти ответы снова остаются без ответа.

Путь занял около часа, и это время растянулось в звенящую, почти осязаемую тишину. Она давила на виски, нарушаемая лишь монотонным гулом мотора и бесконечной, безответной вереницей вопросов, которые роились в моей голове. Теобальдо уверенно вел машину, я сидел справа, а на заднем сиденье расположились Феделе и Элисия.

Когда автомобиль наконец замер у приземистого, неприметного дома, никто не проронил ни слова. Воздух в салоне сгустился от невысказанных мыслей. Я сразу бросил взгляд на Элисию через боковое зеркало. Ее лицо было бледным и сосредоточенным. Она медленно, почти судорожно выдохнула, словно этот вдох был последним глотком воздуха перед погружением в глубину. Моя жена нервно прикусила губу, на мгновение замерла, собирая остатки решимости, и с внезапной, почти отчаянной силой рванула ручку двери, решительно выйдя к дому.

Я уже собирался последовать за ней, но Теобальдо пресек мою попытку.

- Мы остаемся.

Я смотрю то на Теобальдо, то на сцену у дома, но, увидев застывшие фигуры на пороге, решаюсь остаться и понаблюдать со стороны. Пока этого должно быть достаточно.

Элисия нажимает на звонок. Дверь открывает женщина лет сорока с полотенцем в руках.

- Синьора Элисия, я не ожидала...

Ее голос обрывается. Наступает пауза. Пустая. Пронизывающая насквозь. Она смотрит на траурное платье, на Феделе, и ее лицо искажается, когда приходит понимание.

- Гарри... Нет...

То, что я наблюдаю дальше, заставляет мое сердце сбиться с ритма и ухнуть куда-то в пустоту, а по спине пробегает ледяной озноб.

Элисия, содрогнувшись всем телом, подается вниз, к каменной плитке на земле. Опустившись на колени прямо на холодный, грязный пол, она замирает. Она опускает голову так низко, что ее светлые волосы падают вперед, полностью скрывая ее лицо. Это был не просто поклон. Это физическое воплощение самой глубокой, невыносимой скорби и всепоглощающего чувства вины.

И тут до сознания наконец доходит то, что только что произошло на моих глазах.

Моя. Жена. Встала. На колени.

- Простите, Женевьева. Сегодня Гарри погиб, - ее голос такой тихий, что я еле различаю слова. - Простите меня.

Женщина оседает рядом, опираясь о стену. Она берет руки моей жены в свои дрожащие ладони.

- Вы не виноваты, синьора, - ее голос срывается от боли и неведомой мне нежности. - Вы не виноваты...

Дальше я не слышу - Элисия говорит слишком тихо. Через пару минут женщина помогает ей встать и, придерживая ее за плечи, уводит всех в дом. Дверь захлопывается, оставляя меня наедине с гнетущей тишиной.

Я все еще смотрю на место, где только что стояла она.

Почему? Почему, черт возьми?

- Эли задавала тебе вопросы? Когда вы остались одни? - голос Теобальдо тихий, почти лишенный интонаций.

Я смотрю на него. Он сидит, безвольно откинувшись на спинку, его взгляд расфокусирован и устремлен в пустоту за лобовым стеклом.

- Да.

Только сейчас мозаика складывается в моей голове. Ее вопросы о семье, о девушке... Она хотела знать, есть ли у меня те, перед кем ей придется встать на колени в случае моей смерти.

- После каждой операции Феделе приходит к ней с докладом о потерях, - он трет уставшие глаза. - Она знает имя каждого солдата и адрес каждого дома. Никто не сообщает родным. Только сухое сообщение. Но Эли... Эли едет сама. Она считает это своим долгом. Своей обязанностью, как Аккарди.

Встать на колени перед чужой потерей. Склонить голову. Просить прощения за чужую вину...

Сколько же силы в этом хрупком теле?

- Не все встречают ее как Женевьева, - продолжает он после недолгой паузы. - Бывает, сыплют проклятиями, замахиваются. А она просто ждет. Потому что это она.

Он поворачивает голову и смотрит мне прямо в глаза.

- Тебе делал предложение Джуллио.

Это утверждение, с точкой вместо вопроса на конце.

Я молча киваю.

- Ни один наследник не способен на такое самопожертвование ради клана. Многие в этой семье уже пришли к мысли, что лучше бы главой стала Эли, - его взгляд тяжелеет с каждым словом. - Ты должен сделать выбор. И я надеюсь, он будет правильным. Иначе однажды ей придется вступить на порог твоего дома. А я не позволю, чтобы она вставала на колени перед семьей предателя.

Мне не нужно отвечать. Не потому что во мне разыграла гордость наследника мафии, не из-за моего положения - он все видит по моим глазам.

- Хорошо, - тихо произносит он и вновь отворачивается к окну.

Я же снова устремляю свой взгляд на порог дома.

Спустя полтора часа дверь дома открывается. Элисия и Феделе возвращаются, и мы сразу едем к следующей точке нашего маршрута.

Вторая встреча оборачивается крахом. На порог выходит беременная девушка. Услышав новость об Энрико, она без слов дает Элисии пощечину и с грохотом захлопывает дверь. Они с Феделе еще полчаса стоят на крыльце под аккомпанемент криков и плача, доносящихся из дома, прежде чем вернуться к машине.

Обратная дорога проходит в гробовом молчании. И теперь я знаю его цену. Солнце уже почти опустилось за горизонт. Когда мы проезжаем мимо пустынного пляжа, Элисия просит остановиться, и машина сразу замирает на обочине.

- Дайте мне двадцать минут, - едва слышно произносит она и выходит.

Я уже дергаю ручку двери, только Теобальдо пытается меня остановить.

- Пусть идет, - раздается спокойный голос Феделе.

Они о чем-то говорят, но я уже не слышу. Их слова тонут в пустоте. Даже если бы мне отдали приказ сидеть в машине, как сторожевому псу, я бы все равно его нарушил и последовал бы за ней. Куда угодно, как только она скажет. А даже если нет, я все равно пойду.

Я не могу оставить ее одну.

Эта мысль, странная и незнакомая, бьется в сознании, но я не отмахиваюсь от нее, а позволяю ей просто быть.

Я подхожу ближе. Платье, подол которого намок от приboя, обтягивает колени, а выбившиеся пряди танцуют на ветру. Я не нарушаю ее уединения - замираю в нескольких шагах, как обычная тень. Как будто мое присутствие лишь гарантия ее безопасности.

Стою для того, чтобы защитить.

Сберечь.

- Рэниро? - тихо спрашивает она, не оборачиваясь.

- Да, - так же тихо отвечаю я, вторя жене.

- Я знала. Феде и Тео никогда не ходят за мной, - в ее голосе слышится улыбка, или мне так просто кажется.

Я молчу. Слова сейчас явно излишни. Вместо ответа я просто снимаю пиджак - аккуратно, стараясь не делать резких движений, чтобы не нарушить хрупкую материю ее молчания, - и набрасываю его ей на плечи. Так, чтобы не нарушать ее тишину, но быть за ее спиной.

Она принимает мой жест без единого слова. Ее плечи едва заметно вздрагивают, и в ответ раздается лишь тихая, почти беззвучная усмешка, в которой смешались горечь и странное облегчение. Она плотнее закутывается в пиджак, словно ища в нем не только тепло, но и защиту, и замирает.

Мы застываем, позволяя тишине сделать то, чего не могут слова. Минуты тянутся вязкой патокой, каждая из них кажется вечностью, сотканной из глухого рокота приboя и пронзительных, одиноких криков чаек. Но это не кажется чем-то неправильным или неловким. Наоборот - все так, как и должно быть.

Воздух бьет в нос. Здесь пахнет солью, морем и той невысказанной, почти осязаемой близостью, которая рождается из понимания. Когда ты чувствуешь другого как самого себя. Но уже готов признать, что не в силах ее лишиться.

- Как думаешь, - голос Элисии звучит спокойно, но в нем чувствуется надлом. - Я правильно поступаю? Правильно ли то, что принцесса семьи, забравшей жизнь их родных, приходит на порог и просит прощения, а затем говорит, что может помочь деньгами, да чем только можно, лишь бы облегчить их утрату. Не делает ли меня это лицемерной?

Только сейчас позволяю себе сделать пару шагов вперед и встать с ней рядом. В одну линию, ни шагом в сторону.

- Ты делаешь то, что сломало бы любого другого. Ни один наследник не решился бы на такое. Они могут кричать на тебя... Поднимать руку... Но они благодарны.

Она слабо усмехается.

- Думаешь?

- Да, - мой голос звучит с непривычной для меня самой твердостью.

Я действительно так думал.

Даже я никогда не отбивал пороги семей наших солдат. Это была работа капо. Моей же задачей было сохранить как можно больше жизней здесь и сейчас, а то, что оставалось после - лишь статистика.

Теперь я смотрю на это иначе. Как будто мне вернули давно потерянную ответственность, как наследника своей семьи. Встреча с ней точно переписывает мою личность, заставляет мозг работать иначе - не на частотах насилия, а на обычном присутствии. С ней не хочется спорить, забирать без права отдачи - только говорить точнее и давать опору, даже если она выводит за пределы возможностей.

Что-то подсказывает мне - эта девушка не отступится от своего долга, даже когда станет носить фамилию Сальваторе. И я не оставляю ее одну. Я встану рядом. Буду делать эту работу за нее - вставать на колени, принимать гнев и боль, лишь бы ей стало хоть немного легче.

Я всегда буду рядом.

Когда время выходит, она молча поднимается, возвращает мне пиджак в знак благодарности, и мы в тишине возвращаемся. Дома она сразу скрывается у себя.

Я же иду на кухню за водой и с удивлением застаю там Габриэле.

- А тебе не пора спать? - я подхожу к нему и взъерошиваю его пшеничные волосы, такие же, как у сестры.

- Ее били? - тихо, но требовательно спрашивает он.

И как в этих двоих уживаются детская наивность и стальная воля?

- Так ты знаешь, - я выдыхаю и наливаю себе воды.

- Знаю. Сестра пытается меня защитить, но у меня есть голова на плечах. Я должен был ее защищать от... нашего отца. От брата. А в итоге именно она выдерживает то, что должен я, как мужчина. У меня всегда была она, а у нее никого.

Впервые этот десятилетний мальчик действительно кажется не просто сорванцом, который хочет насладиться беззаботным детством, а настоящим мужчиной, который пойдет на все ради своей защиты.

- Она ничего не рассказывает, - Габриэле продолжает говорить. - Даже про шрам мне рассказал Джуллио. Хотя получила она его, защищая меня.

Последние слова заставляют меня застыть с чашкой в руке, так и не поднеся его к губам.

- Какой шрам? - я даже не пытаюсь скрыть напряжение.

Но договорить мы не успеваем. На пороге кухни появляется Элисия. Ее длинные локоны распущены, а вместо траурного платья – спортивные штаны и футболка, которые кажутся на ней на пару размеров больше.

- Рэниро, у тебя два дня отгула, ты можешь... - она осекается, встретившись взглядом с братом. - Габри? Почему ты еще не в кровати?

- Ты снова идешь в главный дом? – в глазах мальчика мольба и печаль, объяснение которой я не могу дать.

Элисия тут же оказывается рядом, присаживаясь перед ним на корточки.

- Габри, ты должен быть в постели. Ты же знаешь, как важен режим, особенно когда тебе так важно следить за здоровьем.

- Но я не хочу. Ты можешь?.. - он осекается, прикусывая губу. - Прости.

- Все хорошо, - мягко говорит она, целуя его в макушку, что, как я уже понял, их маленький ритуал. - Иди в постель, ладно? А у тебя, - ее взгляд обращается ко мне. - Два дня выходных. Феде вызовет, когда ты понадобишься. Отдыхай.

Она еще раз целует брата и уходит. Я же перевожу взгляд на Габриэле, который все так же смотрит ей вслед.

- Куда это она? - мой вопрос повисает в воздухе.

Мальчик не отвечает. Он только смотрит на меня - тяжело, по-взрослому.

- Надеюсь, ее будущий муж не окажется подонком, которого мне придется убить, - цедит он с внезапной, необъяснимой злобой после недолгой паузы и уходит, оставляя меня без единого ответа.

В голове проносятся две мысли. Первая - этот юнец без колебаний всадит мне нож в спину, если я обижу его сестру. Вторая - меня до безумия злит собственная неосведомленность о жизни собственной жены.

Куда она ушла? Что за шрам? Почему Габриэле выглядел так, словно совершил тягчайший грех?

Понимая бесплодность этих размышлений, я выдыхаю.

На все эти вопросы я точно не смогу сейчас получить ответы. Поэтому выбираю единственное, что мне сейчас подвластно – поехать на встречу с Марселло. Нужно собрать все слухи о семье Аккарди. В этом потоке грязи наверняка найдется информация, которая прольет свет на происходящее.

И это поможет понять, от чего именно я должен защищать Элисию.

Защитить ту, что скоро станет Сальваторе.

Глава 5. Элисия

Мелодия знает ответы на многие вопросы, которые порой мы не можем задать вслух. И даже с закрытыми глазами ты все равно их увидишь.

Я качаю на руках брата. Маленький комочек, истошно кричащий и просящий что-то. Наверное, это еда. Всем нужно есть. Только то молоко, что приносила сиделка, скоро закончится. Она приходила всего несколько раз за эти два дня. И каждый раз ее приход сопровождался слезами и дрожащим «прости, я не могу сделать больше, иначе он убьет моих детей».

Ничего. Я уже давно знаю, что в этом мире каждый сам за себя.

Я лишь сильнее прижимаю к себе Габриэлю, пытаюсь своим телом согреть его и унять эту дрожь. Я сняла с себя платье, оставшись в одних трусах и тонком лифчике. Мама как-то рассказывала, что при сильном холоде нет ничего надежнее тепла человеческого тела. Может, так мы сможем прожить подольше. Выиграть у смерти еще несколько часов.

Мама...

Эта мысль пронзает сознание тупой иглой.

Я снова бросаю взгляд на кровать. Она лежит там уже сутки - неподвижная, чужая. Она не говорит. Не дышит. От ее тела веет могильным холодом и каким-то тошнотворным, сладковатым запахом, выворачивающим наизнанку. Но я уже почти не замечаю этого. К этому смраду привыкаешь быстро, так же, как и к непрерывному плачу младенца, ставшему теперь лишь фоном нашего медленного угасания.

- Тише, Габри... Тише, - я покачиваюсь, а после начинаю напевать дрожащим голосом.

Странно, но только когда я пою, как будто все окружающие звуки замолкают. Превращаются в белый шум. Он немного успокаивает. Дает силы жить...

- Андриана! Элисия!

Дверь в комнату и на пороге появляется Феде. Он всего какое-то мгновение смотрит на меня, сидящую на полу с братом в руках, а после переводит стеклянный взгляд на кровать.

- Феде..., - из глаз текут слезы, когда я смотрю на него. - Брат не успокаивается, а мама... Мама замерзла... Ей нужно больше одеял... Феде...

Я глотаю горькие, обжигающие слезы, которые комом встают в горле, не давая дышать. В этот момент Феделе подходит ко мне. Он опускается на колени рядом, и я чувствую, как его руки - ледяные и дрожащие от едва сдерживаемой паники или горя - обнимают нас с братом, заключая в неловкое, но спасительное кольцо. Он прижимает нас к себе так крепко, словно пытается склеить осколки разбитого мира.

- Все хорошо, Эли... Я пришел... Все хорошо...

Комната словно застыла во времени, остановив свой жизненный поток десять лет назад: задернутые шторы, холодный паркет и танцующие в редких солнечных лучах пылинки.

Здесь я никогда не сплю.

Моя собственная тюрьма.

Мой персональный ад.

С портрета напротив на меня смотрят живые, счастливые глаза матери. Рядом ее кровать - свидетель ее последнего, мучительного вдоха, которая кажется мне живым надгробием.

Воспоминания обрушиваются лавиной, но это не светлые картины детства, которого у меня практически не было.

Это кошмар наяву.

Я вижу ее иссохшую фигуру в последние месяцы перед рождением Габри, ее блуждающий взгляд и слабую улыбку, когда она просила меня защитить брата. Слышу ее крик, раздражающий тишину этой маленькой комнаты в самом отдалении главного дома, куда допускалась лишь главная помощница и Феделе.

Я пытаюсь заглушить его, напевая мелодию, но голос матери звучит громче. В отчаянии я закрываю глаза, мысленно касаясь клавиш фортепиано, но пальцы натываются на острые осколки прошлого: слова Модесто, сказанные матери, брату.

И те, другие - мне, одиннадцатилетней девочке у ее постели.

Тогда рухнул мой мир. Тогда я узнала цену этой семьи.

Взгляд Джуллио, полный ледяного презрения, обжигает память. Шрам на спине вспыхивает болью, словно клеймо.

«Будь сильной, Эли. Будь сильной, доченька. Всегда сияй и звучи ярко. И помни, что ты моя самая любимая нота. Вы оба».

Я заставляю себя открыть глаза и впиваюсь взглядом в портрет. В эти светлые локоны, в янтарные, сияющие глаза и улыбку, которая в моей памяти осталась лишь на холсте.

Я должна быть сильной. Это мой долг перед ней. Перед клятвой, данной у ее постели.

Еще один выдох.

Я заперта здесь на две ночи, и одна уже позади. Нужно выдержать еще немного, прежде чем я снова смогу обнять брата.

Было сложно только в самый первый раз, когда меня здесь заперли. Я долго плакала. Даже не от страха – от голода, который наступил через пять часов после того, как Джуллио закрыл дверь. Сейчас уже легче. Теперь я могу два дня обойтись только водой.

Уже легче...

Только бы продержаться...

Но происходит то, чего я никак не могла предвидеть: тишину разрывает скрежет ключа в замке. Дверь открывается. На пороге стоит Джуллио. Его взгляд, полный холодного самодовольства, скользит по мне, оценивая результат своего наказания.

- Мое любимое зрелище - сломленная Элисия Аккарди во всей ее красе, - его голос полон яда.

Меня передергивает, но я заставляю себя смотреть на него пустым взглядом. Дрожь, бьющая все тело, остается внутри. Он не увидит моей слабости. Не этот мерзавец, который оскверняет все, к чему прикасается, даже если само его существование для меня опасно. Он всегда хотел казаться хорошим – говорил красиво, уверенно, иногда даже спокойно. Только за всем этим насилие, без лишних свидетелей, в камере для пыток моего сознания.

- Ты ждешь моих слез? Моего крика? - я усмехаюсь, вкладывая в голос весь доступный мне сарказм.

Он отмахивается.

- Брось. Я знаю, ты не заплачешь. Пока что. Но я терпелив. Однажды я окрашу твою кожу в синий с примесью красного. И вот тогда ты сломаешься. Любой договор имеет конец. Ваш с отцом тоже истечет. И вот тогда начнется настоящая игра.

Смотрю на него с усталой ненавистью.

- Жду не дождусь этого дня, - шепчу я и закрываю глаза, чтобы не видеть его лица.

Лучше гнетущая тишина этой комнаты, царапающая сознание, чем его присутствие.

На минуту между нами прокладывает путь молчание. Джуллио стоит в дверях, а затем я слышу предательский скрип половиц под его ногами. И я уже думаю, надеюсь, что он наконец оставил меня, но вселенная решает иначе.

- Выходи. На этот раз с тебя достаточно.

Я недоверчиво открываю глаза, смотря на Джуллио как на причину всех рухнувших надежд. Он кивает на дверь. Не задавая вопросов, я поднимаюсь и двигаюсь к выходу из своего личного ада, чувствуя, как дрожат ноги.

В голове проносятся мысли. Это наказание стало ритуалом: за дерзость или сочувствие семьям погибших - двое суток в заточении. Лишь однажды меня выпустили раньше - в день визита члена Комиссии к Модесто.

Но сейчас логика отступает перед инстинктом. Мне нужно бежать, чтобы не взорваться от эмоций, которые может выпустить только музыка. Нужна была тишина – та, когда полностью отключаешь шум внешнего мира и включаешь лишь звуки фортепиано.

Едва я переступила порог, как ноги сами понесли меня вперед, словно спасаясь бегством. Коридор превратился в зыбкую тропу над пропастью: дважды я едва не рухнула на скрипучие доски пола, но чудом удержала равновесие. Голос Джуллио, полный ядовитого смеха, доносился из-за спины, но я лишь крепче стиснула зубы и ускорила шаг.

Меня никто не останавливает. Солдаты лишь склоняют головы, а я несусь к флигелю - нашему островку спокойствия.

На крыльце стоит Тео. Он не произносит ни слова, но его молчаливая улыбка отвечает на мой безмолвный вопрос лучше любых слов. С Габри все хорошо.

Все хорошо...

Кивнув Тео, я пересекаю порог и, словно ведомая магнитом, иду к инструменту - к фортепиано матери. Ноги подкашиваются от пережитого напряжения. Я касаюсь холодного дерева, и плотина рушится - слезы, которые я так долго сдерживала, наконец-то находят выход.

Я позволяю дрожи захватить все тело и опускаюсь на табурет. Крышка поднимается с тихим вздохом. Пальцы ложатся на клавиши, и из-под них рождается рваный, хаотичный звук - точно отражение моей израненной души.

Но с каждым ударом по клавишам хаос обретает форму, выстраиваясь в строгую, неповторимую архитектуру мелодии. Все терзающие душу призраки прошлого и слова, разбивающие сердце на осколки, вплетаются в ноты.

Я не слышу ничего, кроме этой внутренней симфонии, что течет по моим венам и зарождается в самом сердце. Играю в миноре сложный, неумолимый ритм своей боли.

Но внезапно в этот мрачный концерт врывается диссонанс - воспоминание о другом голосе. Не о криках Модесто и не о шепоте матери. О мужском голосе, обещавшем стоять за моей спиной. О том, кто был рядом на берегу, когда я искала опору. О том, кто просто был. Тихо. Ровно. Естественно для нас обоих.

Пальцы замирают над клавишами в нерешительности.

Что им искать в этой музыке? Силу? Поддержку?

Нет.

Это совершенно иное чувство - тихое и умиротворяющее.

Мелодия меняется. Она становится другой – просто... другой.

Я снова опускаю руки на клавиши. Теперь музыка льется спокойнее и сосредоточеннее, тональность становится выше, а звучание - нежнее. Она ложится на душу сама собой. Сначала рождается мелодия, а потом, с каждым новым аккордом, к ней присоединяются слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.